Новый выбор оружия

Автор:
Андрей Левицкий

Новый выбор оружия

Андрей Левицкий

Апокалипсис-СТЯ – Сталкер #6

В Зоне нет никого, кто не слышал бы о легендарном Картографе. Он знает тайные тропы и понимает Зону, как никто другой, потому его карты дороже золота. Химику и Пригоршне улыбнулась удача: им досталось его творение, и они решают идти к полю артефактов, не догадываясь о том, что покусились на тайну, которая интересует слишком многих. И снова они преодолевают аномалии, какие раньше и в страшном сне не приснились бы, сражаются с неизвестными мутантами и противостоят могущественным врагам, желающим заполучить карту и прикоснуться к сердцу Зоны. Теперь им нельзя отступать: на кону не только их собственные жизни, но и судьба Мира Сталкеров.

Хрупкое равновесие нарушено… Какой будет цена победы?

Андрей Левицкий

Я – сталкер. Новый выбор оружия

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава 1

– Хорошо в Зоне летом, – пробормотал Пригоршня и повел стволом М-4 из стороны в сторону.

От цветочной поляны разило неприятностями. Мы лежали на невысоком холме, поросшем травой, яркой, какая бывает только в мае. Было тихо, только какие-то птицы пересвистывались в прозрачном небе, да жужжали насекомые. Пригоршня предпочитал рассматривать идиллию в коллиматорный прицел штурмовой винтовки, а я то и дело поглядывал на свой ПДА.

Поляна внизу ничем не отличалась от такой же где-нибудь в Подмосковье: лютики-цветочки, шмели и прочие насекомые, воздух наполнен теплыми ароматами. И отчетливым запахом больших проблем.

Я всегда это чувствовал на расстоянии, потому и выжил в Зоне, а уж после крайнего ее Изменения моя интуиция и способность предугадывать аномалии достигли прямо таки небывалой силы. Теперь нас с Пригоршней можно было назвать самыми везучими сталкерами – любимчиками Зоны. Правда, на финансовую сторону удача не распространялась – рынок еще не стабилизировался, покупатели не разобрались с новыми артефактами (а как тут разберешься, если каждый день – что-то неисследованное попадается), и заказов было мало.

Текущий, например, меня ошарашил. Предмет, за которым охотились мы с Пригоршней, был, мягко говоря, странен, а вообще – не особо кому нужен.

– Чуешь что-нибудь, Химик? – Друг сдвинул ковбойскую шляпу на затылок, чтобы не мешала.

– Гадость там какая-то психотронная.

– Психо-чего?

– Психотронная, – пояснил я, – на мозги давить будет.

– Как контролер?

– Вроде того, только не мутант, а аномалия.

– Не было бабе заботы, купила баба порося. Говорил: давай откажемся.

Вообще хороших аномалий не бывает, но те, что «давят на мозги», сталкеры не любят особенно.

– Можно обойти, но только мне кажется, этот «ластик» где-то в ней, внутри.

Пригоршня отложил винтовку, перекатился на спину и потянулся, хрустнув суставами. Мы были в пути уже трое суток, и только сейчас наткнулись на подходящую аномалию. Сам я «ластики» еще не находил, только слышал о них – стирают эмоции, будто высасывают. Зачем нужно, кому нужно – непонятно. Ан нет, пригодилось. Заказчик сказал – для больной дочери.

Чем дольше я смотрел на поляну, тем неприятнее становилось. Такое чувство, что поблизости, в плюс ко всем прелестям, бродит контролер, а во что превратились контролеры после Изменения, я пока не знал, и знать не хотел. Вообще эта тварь открытых мест не любит, предпочитает подземелья и развалины, но… Вот то-то и оно. Изменение не расширило Зону на весь мир, как мы думали, но прошлось по ней основательно, перекроив и переиначив.

– А мне все-таки кажется, контролер, – будто прочитал мои мысли Пригоршня.

– Да откуда бы…

И тут контролер выскочил из жизнерадостных березок в дальнем конце поляны. Расстояние давало нам некоторое преимущество, издалека мутант-телепат не мог дотянуться и нанести пси-удар. Выглядел он обычно для их племени: непропорционально большая голова в язвах, штаны свисают лохмотьями, торс обмотан грязными, изорванными бинтами. Тварь двигалась рывками, но не по прямой, а огибая невидимую аномалию.

Чертыхаясь, Пригоршня потянулся за винтовкой, которую отложил в сторону. За это время контролер успел довольно значительно приблизиться и увидеть нас, а я – прицелиться и дать короткую очередь в три выстрела. Увы, в тот момент, когда давил на спусковой крючок, почувствовал полуобморочную слабость, и рука дрогнула, я промазал: контролер «дотянулся».

Вот и первый сюрприз от этих телепатов: увеличена зона поражения. Плохо! Но хорошо, что пока еще слишком далеко от него до меня, чтобы нанести удар в полную силу, иначе я бы валялся, подыхая от головной боли.

Пригоршня вскинул М-4… И опустил. Слишком близко. Чтобы сбить прицел, контролеру не понадобится даже «отпускать» меня. Я достаточно долго знал напарника и понял, что он собирается делать. И решил помочь, оттянуть внимание мутанта на себя. Превозмогая слабость и дурноту, снова выстрелил… и снова – «в молоко».

Пригоршня поднялся и, отбросив оружие, из которого сейчас просто не мог прицельно выстрелить в мутанта, кинулся навстречу контролеру.

С реакцией у того было туговато. Проще говоря, контролер – тормоз. Решительные и, главное, быстрые действия сбивают его с толку. Тварь закрутила огромной башкой, ослабив контроль надо мной. Правильно, милый, расслабься! Еще немного, и, подчинив меня окончательно, контролер вполне способен был заставить вольного сталкера Химика выстрелить не в него, а в вольного сталкера Пригоршню…

Бывший десантник уже был у цели. Шляпа свалилась с его головы, когда Пригоршня налетел на мутанта. Я поспешно опустил винтовку: не хватало еще

попасть в напарника!

Пригоршня пнул контролера в живот, тот упал на спину, перекувыркнулся и вскочил с неожиданным проворством. Вот и второй, значит, сюрприз. До Изменения даже я «сделал» бы контролера в рукопашной схватке, что уж говорить о Пригоршне. Напарник был в опасной близости от телепата, и я снова выстрелил намеренно в сторону, но достаточно близко, чтобы контролер занервничал и вспомнил обо мне. Тварь обернулась, я встретился с нею взглядом – это было похоже на удар в глаз, вспышка ослепительно-белого света, боль, брызнувшие слезы. На несколько мгновений полностью потерял ориентацию.

Это почти сразу прошло – контролер отпустил – и, проморгавшись, я понял, почему.

Пригоршня вошел-таки с ним в близкий контакт. Прихватив одной рукой за загривок, второй он навешивал контролеру размеренные удары снизу вверх, в челюсть. Затем перехватил мутанта обеими руками, буквально повис на нем и врезал коленом в живот. Контролер бормотал и подвывал, пытаясь закрыться от ударов.

– Уходи, – донеслось до меня, – уходи.

– Не! Уйду! Сдохни! – каждый выдох Пригоршни сопровождался новым ударом.

Я практически оклемался: сейчас контролер не мог дотянуться до чужого сознания, ему бы свое удержать.

Пригоршня, не отпуская мутанта, с силой развернулся, закрутив контролера, и направил его в центр поляны, разжав руки. Контролер, согнувшись, пробежал несколько шагов и замер. Движения его стали замедленными, скованными. Пригоршня рванул было следом…

– Стой!!! – заорал я.

Напарник замер. Зона быстро учит слушаться коротких приказов и дельных советов, а недоверчивые погибают. Пригоршня же был опытным сталкером, крутым, как хорошо сваренное яйцо, бывалым, как старый башмак, и тертым, как

терка.

Подобрав его винтовку, я спустился с холма.

– Где моя шляпа? – спросил Пригоршня, не отводя взгляда от контролера.

Мутант топтался на месте, схватившись за голову, жалобно подвывал. Я вернулся и поднял шляпу, нахлобучил на голову напарника. Пригоршня часто дышал – еще не отошел после схватки.

– Эк его…

– А ты за ним сунуться хотел, – напомнил я. – Он в самом центре аномалии. Интересно, что она, делает когда разрядится?

– Не знаю, что делает, но плющит бедолагу не по-мутантски.

– Ты его пожалей, пожалей, тоже мне, гуманист выискался. Гринпис камуфляжный, общество защиты мутантов.

– Давай, не стесняйся, обзывайся. Между прочим, пока ты солнечные ванны принимал, я работал.

– Ну, каждому – свое. Кто-то головой работает, думает, а кто-то головой бьет и в нее ест.

Пригоршня лишь зыркнул в ответ, давая понять: шутить не расположен. Перебрасываться фразочками разной степени остроумности мы могли бесконечно, но пора было что-то делать с контролером и аномалией.

Последняя все еще внушала беспокойство – кажется, она не разрядилась. Осторожно, чтобы не вляпаться, я обошел ее кругом, двигаясь по краю поляны. При этом я интенсивно… не знаю, как это назвать: принюхивался? присматривался? Короче, всеми пятью основными и сколькими-то дополнительными чувствами пытался понять, что перед нами.

Контролеру было плохо. Сочувствия у меня он не вызывал, только любопытство. Обычно агрессивная тварь выглядела утратившей смысл существования, моральные ориентиры и внутренний нравственный закон. Волны уныния и апатии расходились от контролера, как круги от брошенного в воду камня.

И причиной этого была неизвестная аномалия.

– Ну как? – поинтересовался Пригоршня.

– Я туда не хочу, – сообщил я, – и ты туда не хочешь. И он там быть не хочет, а приходится. Сдается мне, Пригоршня, «ластик» все-таки внутри этой дряни. Только нужно ее дезактивировать.

– Есть идеи, как это сделать?

– Есть предположения, что контролера аномалии недостаточно, потому что контролер не совсем разумен. Нужно засунуть туда кого-то поразумнее.

– Вот ты и лезь! – обрадовался Пригоршня. – Ты же сам говорил: работаешь головой. Употреби, значит, могучий разум во благо!

– Мне туда нельзя. Я склонен к рефлексии. А ты даже слова такого не знаешь, поэтому давай, выручай контролера, раз уж ему сочувствуешь.

– Не понял.

– Ну вот видишь! Топай, говорю, в аномалию. Ежу ясно, она не смертельна. Потоскуешь немного, потом я тебя вытащу.

– А как вытащишь?

– Что-нибудь придумаю, – «успокоил» я друга.

В нашем деле оптимизм – на втором по главности месте после осторожности и предусмотрительности. Не знаешь, что делать – положись на «авось» и верь в лучшее. Я надеялся, что Пригоршня не утратит разум. На случай, если все-таки это случится, мы решили обвязать его веревкой, длинный конец которой я буду

держать. Выдерну.

– Нож оставь, – посоветовал я Пригоршне, – вообще, разоружись. Суициднешь еще.

– Вот это слово я знаю, – мрачно сообщил друг, разоружаясь и складывая ножи, пистолет, куботан и прочие мелочи на траву, – и оно мне не нравится.

Опоясавшись, как альпинист, и сдвинув шляпу на левый глаз, Пригоршня двинулся вперед. Я стоял в нескольких шагах от начала аномалии и раздумывал, не пристрелить ли контролера. Пока что рано: может быть, он все-таки оттягивает часть мощности. Но если проявит агрессию, сделаю это с удовольствием. Конец веревки лежал у моих ног.

Шаг, еще шаг. Пригоршня ссутулился и обхватил себя за плечи. На меня он не оборачивался.

Черт, если уж его так прибило… Он добрел почти до контролера, не обратившего на недавнего врага никакого внимания, и обернулся ко мне. Взгляд у друга был пустой, лицо исказила гримаса страдания.

– Найди артефакт! – крикнул я.

Ни тени осмысленности на лице.

– Арт! «Ластик»! Ну же, дружище!!!

Пригоршня мотнул головой, сообщил, что «ему это не нравится» и опустился на четвереньки. Я запаниковал. А ну как аномалия оказала губительное воздействие на крепкий, но не сильно развитый разум сталкера?! И теперь он всегда будет передвигаться на четвереньках? Что я буду делать с этим домашним животным?

Страхи оказались напрасными: Пригоршня шарил в траве, что-то искал. Через пару минут пыхтения он снова поднялся, сжимая в руке губку. Теперь выражение лица у Пригоршни было совсем странным: расслабленным, как в баре после третьей кружки пива. Спокойная улыбочка, прикрытые глаза.

– Уходи! – скомандовал я. – Пригоршня, возвращайся!

Все чувства буквально кричали об опасности. Я нагнулся, чтобы поднять веревку и дернуть…

Аномалия перестала действовать.

Контролер пришел в себя и бросился на Никиту. А тот по-прежнему улыбался и сжимал зеленую губку. И оружия у него при себе не было.

Контролер не стал (или не смог) пользоваться телепатией. Весил мутант прилично – думаю, под девяносто кило, и, налетев на сталкера, сшиб его с ног. Борьба в партере явно не была его сильной стороной, но Пригоршня не сопротивлялся – упал, раскинув руки, словно пулей сраженный. И все с той же улыбкой.

Признаюсь, я растерялся. Никогда еще не приходила мысль, что Пригоршня может сойти с ума. Он всегда готов действовать, и хук с правой явно опережает скорость его мысли. Пригоршня сперва бьет, потом прикидывает, а надо ли было.

Мутант взвыл и принялся молотить его кулаками – безо всякой системы, но точно больно и опасно. Пригоршня дергался, но не сопротивлялся.

Стрелять было рискованно.

Выхватив нож, я бросился на помощь. Время растянулось, казалось, будто я двигаюсь в киселе кошмарного сна и не успею… Медленно-медленно я добежал до дерущихся. Медленно поднял руку. Медленно вогнал нож мутанту в шею – сбоку, где проходит сонная артерия. Анатомия у контролеров почти человеческая. Когда я выдернул нож, из шеи забил фонтан крови. Глянцевая, молодая трава, улыбающийся Пригоршня (физиономия его украсилась несколькими синяками, а из носа шла кровь) – все оказалось залитым красным. Я ударил еще раз и ногой спихнул контролера с напарника.

Мутант попытался отползти, зажимая шею, но силы быстро покинули его, он затих в паре метров от нас.

Пригоршня на происходящее почти не отреагировал, так, слегка скосил глаза в мою сторону.

Губка была у него в левой руке, и теперь я не сомневался, что это – «ластик», артефакт, стирающий эмоции. Видимо, еще и оглушающий человека. Первым делом подхватил Пригоршню под мышки и отволок к холму, подальше от притихшей аномалии – не факт, что она не включится заново. И только потом подробно рассмотрел находку.

«Ластик» был неровным, округлым, с некрупный апельсин размером, и, вроде, губчатая поверхность его слегка пульсировала. Брать голыми руками я не рискнул – вернулся на холм за рюкзаками, вытащил перчатки и контейнер, щипцы. Пригоршня не сопротивлялся, и щипцами я довольно быстро вынул находку из его пальцев и переправил в контейнер. Захлопнул крышку. Сталкер глубоко вздохнул, сел, очумело потряс головой. Заметил банку с артом и дохлого контролера.

– Так, – мрачно сказал Пригоршня, ощупывая пострадавшее лицо. – Я не знаю, что это за наркота была, но больше я ее не хочу. А хочу кружку пива. Кажется, ты мне ее должен.

– Должен, – согласился я. – А клиент нам бабок должен. Но все это, друг мой, дня через три, когда мы доберемся до места встречи.

* * *

Встреча была назначена на три часа дня в новом баре «Люби гусей», который я мысленно окрестил гусятней. Он месяц назад открылся в окрестностях Любеча, мы с Пригоршней предпочитали «Жирного зомби», и там еще не были, но клиент настоял – мол, опасается за принесенные деньги, баснословную для него сумму, и не придет незнамо куда.

Ну, ничего, гуси так гуси. Заодно и место разведаем, нам этот бар кто только ни хвалил: что-де и готовят вкусно, и недорого, и пиво собственного производства великолепное, и девочки там работают ниче так.

«Гусятня» напоминала старинный сруб: небольшие окна со ставнями, еще не закопченная труба, флюгер в виде взмахнувшего крыльями гусака.

На бревенчатых ступенях курил Бурун – именно он сосватал нам клиента. Сами мы за стремные заказы не беремся, но в последнее время военсталы гайки закрутили, и работы поубавилось, что ударило по карману. К тому же Бурун, авторитетный, но не слишком удачливый сталкер, за клиента подписался: что-де мужик серьезный, горе у него, помочь надо.

Не знаю, что случилось с Буруном, но череп у него был странный – конусовидный, словно его хорошенько сдавили тисками. Бурун год назад здорово облучился, и все волосы выпали, теперь он без волос, даже ресниц и бровей нет. Завидев нас, сталкер водрузил на голову вязаную шапочку, помахал и улыбнулся. Зубы у него были крупные, как у лошади, выступающие вперед.

– Здорово, парни! – прокричал он. – Вы прямо в срок, а Антон Васильевич уже на месте, нервничает. Товар с вами?

Я постучал по контейнеру:

– Конечно, с собой, ты нас знаешь!

Заговорил Никита:

– Ну и дрянь. Знал бы ты, чего мы натерпелись…

Я легонько пихнул Пригоршню в бок, и он замолк. Истосковался, бедняга, по обществу за три дня.

Вслед за Буруном мы вошли в гусятню, где сигаретный дым смешивался с химическим запахом недавнего ремонта. Это был бар, какие в Зоне называют либеральными: не требовалось сдавать оружие при входе, охранников тоже не наблюдалось. Хозяин рассчитывал на благоразумие посетителей. Новенький, наверное, наивный.

А вообще тут было приятно: дубовые лакированные столы со скатертями из мешковины, массивные стулья, на стенах – рисунки: вот у входа прямо передо

мной багряное небо во время выброса, чуть дальше – незнакомая болотистая местность, помойка, присыпанная снегом и черное пятно ворона.

С еле слышным треском рассекали воздух лопасти гигантского вентилятора, похожего на вертолетный винт, с них свисали длинные нити, закручивались в воздухе.

Столы располагались вдоль стен – десять штук, свободных четыре. Плюс барная стойка, за которой грустил бармен, медитируя на вентилятор, и три посетителя. Завидев нас, бармен подтянулся и придал лицу приветливое выражение. Странный тип, совсем не похожий на завсегдатаев Зоны: светловолосый, патлатый, в белой рубашке и кожаном жилете. Он напоминал студента художественного института.

– Химик, – прогудел Пригоршня. – Ты пиво обещал… Ооооо!

Проследив за направлением его взгляда, я заметил-таки между двумя мужиками за барной стойкой девушку – невысокую, миниатюрную, с каштановыми волосами, собранными на затылке в хвост. Девушка задумчиво смотрела на пивной бокал, ее напарники скучали. Того, что по правую руку от нее, я знал. Это был Патриот, чуть сдвинутый на жидомасонских заговорах парень арийской наружности, сталкер довольно удачливый, но слишком нервный. А вот второго, высокого узколицего мужика, видел впервые. Его веки напоминали мешки, и свисали на глаза, из-за чего лицо приобретало жалобно-флегматичное выражение. Сколько ему лет? Точно больше пятидесяти, таких в Зоне единицы.

– Никита, сначала дела, – шепнул я и зашагал к крайнему столику, где спиной к нам сидел клиент. Антон Васильевич узнавался по округлой розоватой плеши на темечке, прикрытой жидкими зачесанными набок волосами. Бурун уже сел к нему, и они повернулись.

– Ладно, – буркнул топающий позади Пригоршня.

Антон Васильевич занервничал, пересел в угол и вцепился в дорожную сумку. Выстрелил взглядом и отвел глаза, заерзал на стуле. Даже не офисный планктон – крыса кабинетная, трусливая. Пригоршня обрушился на стул, шмякнул шляпой по столу и воззрился на девушку. Я сел рядом с Никитой и отметил, что она прехорошенькая и даже камуфляж не скрывает достоинств ее фигуры. Ладно,

грудь под курткой не видно, но ноги-то, ноги – от ушей, а у невысоких девушек такое бывает нечасто. Все, пропал Пригоршня.

– Здравствуйте, – проблеял Антон Васильевич и водрузил на нос старомодные очки.

Я молча поставил на стол вещмешок, откуда извлек контейнер с «ластиком» и положил перед клиентом, который воззрился на него с брезгливостью, как на дохлое насекомое.

– Вы посмотрите, посмотрите, – самодовольно проговорил Пригоршня, отрыл рот, но покосился на меня и смолк.

– Это не опасно? – клиент подвинул контейнер к себе, покрутил его, не понимая, что с ним делать.

– Только артефакт не трогайте! – возопил Пригоршня и аж подпрыгнул на месте. – Меня так накрыло, чуть сам себя не удавил. А потом отпустило, но голова отключилась, и спокойно стало…

– Давайте, помогу, – я забрал контейнер и нажал незаметную кнопку сбоку. – Только не прикасайтесь.

Это был не привычный трехсекционный контейнер в форме чемоданчика, а небольшой хромированный, вытянутой прямоугольной формы. Новейшая разработка: весит меньше, не так мешает на поясе. Когда знаешь, что возьмешь один артефакт – самое то.

Клиент вытаращился на явившийся взору «ластик». Взял себя в руки и спросил осторожно:

– Оно, точно, сработает?

– Еще как! – закивал Никита. – На себе попробовал. Вы только это… Нашу пригоршню нам того, – он выразительным жестом сгрёб воображаемые деньги со стола.

Кашлянув, деликатный Бурун проговорил:

– Пойду пиво закажу. Вам темное, как обычно?

– Ага, и мяса жареного, да побольше, – улыбнулся Пригоршня. – А то жрать охота.

– Мне тоже мяса, – бросил я и перевел взгляд со спины Буруна, удаляющегося к бармену, на Антона Васильевича.

– Понимаете, – прошептал клиент. – Моей единственной дочери шестнадцать лет, год назад она заболела. Маниакально-депрессивный психоз, – прочтя на лице Пригоршни недоумение, он объяснил: – Это когда жить становится так больно, что аж невыносимо. Если во время приступа дать ей «ластик», он заберет ее боль, и ей полегчает. Мне психиатр так объяснил.

Он потянулся к контейнеру и неожиданно для нас выхватил артефакт. Его невыразительное лицо вытянулось, из глаз брызнули слезы, он протяжно застонал, а потом затих, растянувшись на столе и пуская слюни. Пригоршня вскочил, перевернув стул, сдавил запястье клиента – его кулак разжался, и чуть посверкивающая губка «ластика» выпала в подставленный мной контейнер.

– Жить надоело? – воскликнул Бурун, нависший над нами с двумя кружками пива, одну поставил возле Пригоршни, вторую протянул мне. – Антон, тебя ж предупредили!

Клиент уперся локтями в стол, обхватил голову руками и покачал головой:

– Я должен был проверить, она ведь моя дочь!

– Проверил? – проговорил Пригоршня недобро. – Теперь деньги гони! Мы жизнью рисковали. Четыре штуки зеленых, как и договаривались.

Антон Васильевич хлюпнул носом, вытер слезы и промямлил:

– Очень опасная штука. Я другого ожидал – что она вылечит мою дочь, – он встал, вздернул подбородок. – Нет, я не хочу ее покупать.

– Что-о-о? – Пригоршня тоже встал, упершись кулаками в стол, навис над клиентом, тот икнул и плюхнулся на задницу.

– Тише вы. – Бурун обратился к клиенту: – Антон, так дела не делаются, ты меня подставляешь! Я рекомендовал тебя своим друзьям, они рисковали, потратили почти неделю…

– Да. – Пригоршня припечатал кулаком по столу. – Рисковали!

– Но я рассчитывал на другое, – клиент затрясся, на глаза навернулись слезы, губы задрожали.

Ярость Пригоршни передалась и мне, я отстранил пышущего гневом Никиту и сказал холодно:

– У нас был договор: мы тебе артефакт, ты нам – деньги, так? Так. Для каких он тебе целей, нам не интересно. Артефакт есть, дело за малым: деньги на стол!

– Нету никакого договора! – окрысился клиент. – Где он, написанный на бумаге, скрепленный подписями? Но ладно, – он потянул контейнер к себе. – Готов вам компенсировать неудобства и выплатить тысячу…

– Ах ты ж гниииида, – не сдержался Бурун и схватил клиента за грудки.

Воспользовавшись ситуацией, Пригоршня вырвал у него сумку – клиент заверещал. Тотчас рядом с нашим столиком будто материализовались четыре здоровенных лба в спортивных костюмах. Один из них пробасил:

– Прекратить безобразие!

Пригоршня возопил:

– Да очкарик нас на деньги кинул!

– Нас это не волнует. Выяснения отношений – на улице. Разберетесь – возвращайтесь. Таковы правила.

Пригоршня швырнул мне сумку, поднял клиента за грудки и понес к выходу, тот затих и даже не трепыхался. Мы с Буруном поспешили за ним, а то еще пришибет очкарика сгоряча, а смертоубийство нам ни к чему.

Посетители бара, разинув рты, проводили нас взглядами. Многих сталкеров я знал, они кивали одобрительно, а вот девушка за стойкой смотрела с плохо скрываемым пренебрежением. Встретившись со мной взглядом, она отвернулась.

На улице Пригоршня трепал клиента, легонько стукая его спиной о бревна бара. Жертва голосила и звала на помощь. Бурун высыпал содержимое сумки и пересчитывал деньги. Когда я вышел, он сплюнул и потряс купюрами:

– У него с собой только тысяча. Он рассчитывал взять артефакт за бесценок. Вы уж простите, я вам убытки компенсирую, но позже, сейчас у всех дела неважно.

– Убью! – взревел Пригоршня – клиент втянул голову в плечи.

И что теперь делать? Денег нет, ресурсов израсходовано ровно на вырученные деньги, в карманах пусто, заказ оказался гнилым. Убивать теперь Васильича? Хочется, но нельзя. Одно дело, когда человек в аномалии гибнет, другое, когда его убивают на глазах у десятка свидетелей. Это здесь закон почти не действует, но когда-нибудь нам придется покинуть Зону. Да и за Борзым, который мочил людей без разбора, целая делегация явилась, теперь мотает срок. За Бельмастого вообще награду обещали, целый месяц его ловили охотники за головами, но Зона шельму метит, и он сгинул в какой-то из аномалий.

– Остынь, Никита, – я похлопал его по плечу. – Не марайся в дерьме. Этому товарищу теперь путь в Зону заказан.

Поднял паспорт, пролистал до страницы, где отмечались дети. Там было пусто. Вот тебе и доченька-шизофреничка. Наверняка хотел подсидеть начальника или более удачливому соседу подгадить. А может, он врач-психиатр, и ему «ластик» нужен для опытов. Подливать масло в огонь я не стал, разорвал паспорт и бросил в траву.

Пригоршня швырнул жертву в куст шиповника – проходимец даже не пикнул. И на что рассчитывал, идиот? Понадеялся, что дела у нас идут из рук вон плохо, и мы обрадуемся любой подачке? Бурун протянул мне деньги, я сунул их в карман, не считая, и проговорил:

– Мужик, ты нас здорово подвел. Ты ж понимаешь, что спасибо должен говорить, мы тебе жизнь сохранили.

Потерявший очки клиент подслеповато щурился и шевелил губами. Пригоршня выхватил пистолет и прицелился в него:

– Вон отсюда! Чтоб глаза наши тебя не видели!

Васильич на четырех костях подполз к содержимому сумки и принялся распихивать вещи по карманам.

– Вон!!! – взревел Пригоршня и пальнул в воздух.

Сграбастав остатки паспорта, клиент потрусил к лесу, где затаился.

Пригоршня негодовал. На его шее катались желваки, глаза налились кровью, кулаки сжимались-разжимались. Казалось, еще немного, и шляпа взлетит от спущенного пара.

– Я компенсирую, – божился Бурун. – Он мне деньги показал, а я пересчитать не удосужился, это моя вина.

– Идем пиво допивать, – по возможности миролюбиво предложил я и зашагал к ступенькам.

Расселись по местам. Одновременно отхлебнули, Пригоршня тотчас забыл о неудаче и набросился на исходившее паром жаркое, у меня же пропал аппетит. Что мы имеем? После последнего нашего приключения Зона заметно изменилась, появились новые аномалии и артефакты. Сталкеры стали осторожнее, военсталы озверели, цены на артефакты упали. Деньги неумолимо заканчивались, и чтобы организовать эту экспедицию, пришлось лезть в заначку.

Загадки и неожиданности пробудили во мне дух первооткрывателя, вспомнились времена, когда Зона была настоящей Тайной. Вот только сталкеры обленились, и никто не желал рисковать, все предпочитали, чтобы обстановку разведывали рисковые парни типа нас с Пригоршней. Но риск в карман не положишь, а кушать хочется всегда.

Придвинув тарелку, я собрался приступить к еде, но почувствовал чье-то внимание, между лопаток зачесалось. Ощущалась угроза. Пришлось оборачиваться. На меня смотрела девушка, что возле барной стойки. Раньше я ее здесь, точно, не видел.

Ее пожилой спутник, похожий на бассета, слез со стула, перекинул через руку плащ и помог ей спуститься. Она выжидающе уставилась на вход. Я посмотрел, куда и она, и вскинул бровь: к ней шагал мой давешний знакомец Шнобель.

В полумраке он вряд ли нас заметит, лучше пока себя не выдавать, понаблюдать со стороны. Бывший наемник кивком поздоровался с Патриотом, пожал руку бассета, руку девушки поднес к губам и, отпуская, задержал чуть дольше, чем позволяют приличия.

Девушка оживилась, зашевелила губами. В гуле было не разобрать слов. Шнобель помотал головой и развел руками, его собеседница закатила глаза и легонько топнула. Патриот в разговоре не участвовал и пил пиво. Грустноглазый бассет замер навытяжку, чуть запрокинув голову, и крутил серебряную печатку с кельтским крестом, надетую на средний палец. Странный экземпляр, на сталкера совсем не похож, скорее – на вышколенного дворецкого.

Конспирации внезапно пришел конец: Пригоршня вскочил, с грохотом отодвинул стул и ринулся к знакомому с радостным воплем:

– Химик, смари, это же Шнобель!

Вся компашка, включая Патриота, повернула головы в нашу сторону. Пригоршня налетел на Шнобеля, сгреб его в объятьях, похлопал по спине. Тот едва на ногах устоял. И кто бы мог подумать, что неуклюжий простоватый Никита способен мгновенно собираться, превращаясь в машину убийства?

Шнобель покосился на наш столик, растерянно улыбнулся. Пригоршня потерял интерес к старому знакомому и попытался втиснуться между девушкой, которая снова уселась возле стойки и подперла голову рукой, и Патриотом. Последний сообразил, чего хочет Пригоршня, и отодвинулся. Ну, началось. Сейчас приятель проявит всю свою медвежью галантность, что может закончиться разборкой. Надо спасать положение.

Я уже собрался вставать, но Шнобель взял Пригоршню под руку и кивнул на наш столик. Никита нехотя побрел за ним.

Шнобель уселся на его место, и Никите пришлось устраиваться напротив меня, рядом с Буруном.

– Ну че, как вы поживаете? – спросил бывший наемник.

– Хреново, – признался Пригоршня, доедая жаркое. – Работы нет, на деньги нас кинули. Представляешь, работу сделали, а клиент не заплатил! – он ударил кулаком по столу.

Шнобель сморщил огромный нос и махнул:

– Сейчас так у всех. На будущее работаем, имя себе делаем.

– Нас и так все знают, – сказал я, скрестив руки на груди. – Сам где пропадал так долго?

Пригоршня поддакнул:

– Ага, я за тобой скучал!

– Никита, сколько тебе говорить: не «за тобой», а «по тебе», – поправил его я.

– Хватит нудить, Химик. Так что, Шнобель?

– Да работка подвернулась. Девка эта, Энджи, где-то карту раздобыла, новую. Может, сам Картограф ее делал. Так вот, там есть дорога к настоящему клондайку аномалий!

– Да ладно! – глаза Пригоршни сверкнули.

– Она собирает команду, ищет, кто бы ее провел туда. Я нанялся.

– А еще люди нужны? Мы – всегда за, – весело сказал Пригоршня.

– Нужны-то да. – Шнобель покосился на меня. – Но я вам не предлагаю, во-первых, потому что плохо знаю заказчика, во-вторых, это экспедиция не за деньги. Оплата – артефакты, в том числе уникальные, какие сможем унести.

Пригоршня мгновенно потерял боевой задор. Бурун – тоже. Я посмотрел на стойку: там остался лишь Патриот, девушка и грустноглазый ушли.

– И что ты с ними будешь делать? – заговорил Бурун. – Пойди, найди скупщика. Цены упали, военсталы на себя одеяло тянут, рынок лежит. А в Зоне сейчас не так, как раньше, вглубь никто и не ходит.

– Уверен, трудности – временные. Месяц-другой, и все наладится. Там реально море артов, да каких, ууу, бесценных. Девка показывала один, я б за него душу продал! Надеваешь его, такой камешек неприметный, и мутанты не воспринимают тебя как угрозу, а люди невольно начинают симпатизировать.

– Теперь понятно, – усмехнулся я.

– Да! – Пригоршня чуть не подавился. – Все сходится! Вы слышали, это, эээ… Короче, говорят, что Зона живет, убивая сталкеров? Убила – его жизнь себе забрала. И приманки разбрасывает, артефакты то есть. Ну, вот, через артефакт она перегоняет вашу силу себе… И вообще, если пользуешься артом, считай, Зону своей кровушкой кормишь.

Сначала я удивился, подумал, что Пригоршня научился быстрее соображать. Ан нет, он не об очаровании девушки подумал, а очередную байку вспомнил. Зато Шнобель понял, что я имею в виду:

– Да нет, Энджи сама по себе обаятельная. Арт все время носить нельзя, побочка стремная: жрать потом хочется, спать, и, говорят, минута отнимает два часа жизни, то есть стареешь. Но согласись, если вдруг гон мутантов, деваться

некуда, то лучше на пару дней состариться, чем помереть.

– Я ж говорил – забирает жизнь. Раньше такого не водилось, – протянул Пригоршня задумчиво. Так что, им нужны люди? Ты ж знаешь, мы лучшие проводники!

Я наступил на ногу Никиты под столом, и он смолк, покосился на меня.

В прошлый раз Шнобель нас чуть не угробил, потом реабилитировался, конечно, но послевкусие осталось. Это с одной стороны. А с другой, прежде чем что-то решать, следует поговорить с барышней, взвесить все за и против.

– Откуда вообще Энджи взялась? – поинтересовался я. – На цивилку не похожа, на сталкера, вроде, тоже.

– Да ладно! Ты отстал от жизни! Не то чтобы Зона к ней благосклонна, но на еду она зарабатывает. Весь Любеч только о ней и говорит: гордая, мол, девка, никто ее так и не добился ни за деньги, никак. Красивая, несмотря на то, что умная.

Пригоршня щелкнул языком и мечтательно закатил глаза. Я хлопнул его по спине:

– Размечтался?

– А чего бы и нет? – он удивленно вскинул брови.

– Шнобель, нам бы с заказчицей поговорить. Устроишь?

Шнобель просиял:

– Здорово, что вы заинтересовались, с вами – хоть на край света.

– Зато с тобой – нет, – остудил его пыл я.

– Мужики, не, я пас, – проговорил Бурун. – Стар я уже для подобных авантюр, мне точно надо знать: вот заказ, вот оплата, а так – вилами по воде. Тем более,

опасно в Зоне стало, – он стянул шапочку, демонстрируя безволосый конусовидный череп. – Облучился, вот. Где, когда, сам не понял. А что такое лучевуха, все мы знаем. Так что сколько протяну – фиг его знает.

– Можно прямо сейчас пойти, – воодушевился Шнобель. – Они комнату снимают в гостишке, что с обратной стороны бара. Уже два дня толкутся – никто их сопровождать не хочет.

– Так и мы не особо хотим, – сказал я, вставая. – Просто любопытно на карту и артефакт взглянуть. Если они не поддельные, подумаем.

Пригоршня сделал возмущенное лицо, шрам на лбу и шесть точек от скоб, обычно белые, покраснели, нацепил традиционную шляпу и собрался возразить.

– Подумаем, Никита, – сказал я, выделив интонацией первое слово, и приятель приуныл.

За пару лет сталкерства мы отлично сработались и разделили обязанности: я работал головой, Пригоршня по большей части использовал ее как таранное устройство. Нет-нет, Никита не был клиническим идиотом – обычный простоватый парень. Искренний, с таким в огонь и воду, и можно быть уверенным, что он не предаст.

Шнобель надеялся, что мы не устоим перед соблазном, и потирал руки.

– Вы идите, – проговорил Бурун. – Обед я оплачу, что уж сделаешь, проштрафился.

Махнув ему, я направился к выходу вслед за Шнобелем и Пригоршней, кивком поздоровался с двумя знакомыми сталкерами, зашедшими перекусить. Судя по щетине и прилипшей к ботинкам грязи, они только из Зоны. Пригоршня пожал руки и собрался поболтать, но я увлек его на улицу.

Итак, что нужно сделать? Поговорить с Энджи, взглянуть на карту, расспросить обо всем и попытаться поймать ее на лжи. Если все, что сказал Шнобель, правда, то имеет смысл запастись контейнерами и наняться в сопровождающие.

– Подождите, предупрежу о вас. Постойте пока тут. – Шнобель воровато огляделся и зашагал по вытоптанной тропинке за сруб, туда, где лениво вращал лопастями ветряк и в зарослях сирени угадывались хозяйственные постройки, оставшиеся еще с советских времен.

Придвинувшись к Пригоршне, я проговорил:

– Никита, согласен, девушка… Энджи симпатичная, я тебя понимаю. Но умерь свой пыл, он может ее отпугнуть.

– Постараюсь, – пообещал он. – Но сам знаешь… А тут такое чудо!

Раздался стук в дверь, голос Шнобеля, удалось различить лишь одно слово «лучшие». Девушка тихонько что-то ему ответила, и он прокричал:

– Парни, идите сюда!

По другую сторону бара в стене был рядок из пяти одинаковых самодельных дверей. Возле крайней справа, распахнутой, на порожке стоял Шнобель, опершись о перила, и девушка, скрестившая руки на груди. Ее грустноглазый попутчик, видимо, был в номере. Я невольно залюбовался: Энджи сняла камуфляжную куртку, и теперь была в бежевой водолазке, облегающей небольшую высокую грудь и подчеркивающей талию. Волосы она распустила, и они ниспадали до пояса блестящими волнами.

Завидев нас с Пригоршней, девушка вскинула тонкую смоляную бровь, поджала губы и уронила разочарованно:

– Эти?

Шнобель завертел головой, глядя то на нас, то на нее:

– Ну да, Химик и Пригоршня, можно сказать, легенды Зоны, лучшие сталкеры. Да че с тобой? Я с ними работал, толковые.

– Ага, видела, как они пожилого человека втроем… Толково!

А девочка-то с гонором! Или она так ломается? Сейчас проверим.

– Энджи. Ответь, педофилия – это хорошо или плохо?

Лицо девушки вытянулось, но она быстро взяла себя в руки:

– По-моему, ответ очевиден.

– А бить людей?

– Не понимаю, к чему вы клоните?

– Просто ответь, бить людей – хорошо или плохо?

– Зависит от ситуации, – растерянно пробормотала она.

– А если в общем? Плохо, да? Пишем – так. Но педофилия еще хуже, значит, бить пойманного за преступлением педофила – можно и нужно, даже если это пожилой человек.

Девушка вспыхнула, прищурилась. Будь она поглупее и понесдержаннее, продемонстрировала бы на мне, что бить зазнавшихся наглецов тоже вполне допустимо. Что ж, хватит ее злить, пришла пора сглаживать острые углы.

– Из-за того человека мы чуть не погибли, потеряли неделю, растратили ресурс. К слову, он сам нас нанял, а потом сказал: «Извините, парни, я передумал, зря вы старались». Это правильно? Пригоршня, сожми кулак.

– Зачем? – спросил он, закатал рукав и продемонстрировал кулачище.

– Никита запросто мог убить его одним ударом, но он этого не сделал, просто не очень вежливо объяснил, что клиент неправ. Ты поступила бы иначе?

Энджи принялась задумчиво наматывать на палец прядь волос, посмотрела на меня по-другому. У нее был взгляд, будто она перемножает в уме многозначные числа. Взгляд пожилого, битого жизнью человека, а не пигалицы, которой от

силы двадцать пять.

Наверное, сейчас она решает, брать с собой настолько наглых парней, и во что ей это встанет. Я, в свою очередь, изучал Энджи, пытаясь предугадать ее дальнейшие поступки. И не мог, затяни меня в дробилку! И шестое чувство, которое столько раз спасало мою жизнь, молчало.

Чтобы разрядить напряженность, шагнул к ней и протянул руку:

– Химик.

Она ответила на рукопожатие. Рука у девушки была теплая, с загрубевшей кожей и потому шершавая.

– Энджи. Но мне хотелось бы знать твое имя.

Её желание на некоторое время сбило меня с толку. Честно говоря, отвык от своего имени настолько, что забыл его и ненадолго задумался, вспоминая. По сути, Андрей Нечаев остался за пределами Зоны, где я бываю нечасто. Он – лишь куколка, из которой вылупился Химик. Естественно, делиться размышлениями с незнакомой девушкой я не стал, назвался, но попросил называть меня Химиком, потому что так привычнее.

Она пожала плечами:

– Химик так Химик, просто мне важно знать имя. Списывай на странность.

– А я Никита, – проговорил Пригоршня из-за спины и, отодвигая меня, предстал пред прекрасной леди. – Можно прямо так – Никита.

Энджи засмеялась и ответила:

– Хорошо, будем знакомы. Андрей, то есть Химик, вам уже рассказали, какова будет ваша функция?

Пришла моя очередь улыбаться:

– Но мы еще не дали согласие, хотим выслушать тебя и решить, подходит нам такая работа или нет. На карту взглянуть…

– Тише! – она приложила палец к губам и посторонилась, воровато оглядываясь. – Проходите.

В комнате было две кровати, одна под окном, вторая у глухой стены. Я опустился на вторую, рядом плюхнулся Пригоршня. Энджи оседлала единственный стул возле расшатанного столика. Грустноглазый ее попутчик, лежавший на койке, при виде нас сел. Мне показалось, что он насторожился и готов к действию. Это ее телохранитель, что ли? Нет, исключено: у девицы нет денег, чтоб оплатить даже проводников. Родственник? Отец? По возрасту как раз подходит.

– Команда в сборе? – пророкотал он.

У него был низкий очень приятный баритон. С таким голосом только на радио работать, девчонки влюблялись бы толпами.

– Это кандидаты, – объяснила Энджи.

– Да, надо прежде послушать, подходят ли нам ваши условия, – проговорил я.

– Вот как. Ну ладно, что вы хотите узнать?

– Ваше имя, например, – сказал Пригоршня, представился и меня представил.

– Извините, я – Вик, Викентий Адамович, очень приятно.

Он оставлял впечатление человека умного и взвешенного, который не станет суетиться по пустякам, а если возникнет конфликт, улыбнется – и никому не захочется махать кулаками. Такой сферический отец в вакууме. Или он обучен располагать к себе?

Тембр голоса, жесты, мимика…

Интуиция молчала. К сожалению, она подавала голос только, когда дело касалось аномалий и опасностей, связанных с Зоной. Например, я мог предчувствовать выброс. Приходилось полагаться на разум, а он говорил, что передо мной хорошие люди, которые торопятся – раз, и кого-то опасаются – два. Не знаю, почему мне так показалось.

– Мне хотелось бы взглянуть на карту, – сказал я. – И неплохо бы знать, что именно вам нужно в Зоне, насколько это рискованно и кому может помешать.

– Интерес у нас самый что ни на есть частный, – ответил Вик и потянулся к деревянной трубке, что лежала на столе. – Нам нужен артефакт, который спасет жизнь хорошего человека. Сами мы недостаточно опытны, чтобы рисковать. Точнее, Энджи неопытна, я не сталкер. Денег у нас тоже нет, но мы – последняя надежда этого человека.

Мы с Пригоршней переглянулись, и я проговорил:

– Хм, не так давно мы выполняли похожее задание, и все закончилось пустой тратой времени. Выяснилось, что спасать никого не надо, нами просто воспользовались, и теперь у нас на руках бесполезный артефакт.

– Но мы же не предлагаем вам деньги! – возмутилась Энджи. – У вас свой интерес, у нас свой. Я могла бы рассказать душещипательную историю, но оно вам надо? Мы предоставляем информацию, вы ведете нас на место и берете столько артов, сколько унесете.

– И еще одна работа тоже плохо кончилась, – пророкотал Пригоршня и зыркнул на Шнобеля. – Хорошо, живы остались.

– Для начала покажите карту, – я закинул ногу за ногу.

Девушка покачала головой, волнистые пряди заструились по спине, плечам.

– Неужели вы думаете, что ее нет? – Энджи полезла за пазуху и вынула сложенный вчетверо листок, разровняла его и протянула мне. – Артефакт из центра Зоны тоже показывать?

– Не надо, все равно здесь не проверишь, действует он или нет.

Она напоминала старинную карту пиратов, какая висела у меня на стене. Когда я был подростком. Я провел по ней рукой – прохладная, бархатистая бумага, даже, скорее ткань или кожа тончайшей выделки. На желтоватом листке поверх привычной карты было нанесено множество линий: толстых коричневых, пунктирных, образующих неправильные геометрические фигуры, едва заметных красных. Россыпи алых точек вблизи Любеча, я точно знал, обозначали скопления верлиок и прочих мутантов, синих расплывчатых – аномалий, голубых чуть заметных – возможных аномалий.

Дыхание перехватило: сомнений не осталось, это та самая легендарная карта, последнее, что сделал Картограф прежде чем исчезнуть навсегда. Я видел множество карт, в том числе те, что делал легендарный Картограф. Это его работа, сомнений нет. У меня в руках лишь половина, вторую часть заказчики предусмотрительно припрятали. Что ж, разумно. На их месте я поступил бы так же. А вот Пригоршня так не считал:

– А где остальное? – возмутился он.

Энджи, сидевшая против света, ответила:

– У меня. Не хочу, чтобы вы видели маршрут и потом пошли туда без нас.

– Откуда у тебя карта? – поинтересовался я. – Ты, конечно, слышала о Картографе?

– Конечно, – кивнула она. – Я новичок в Зоне, но не настолько же. Это его работа, мне уже сказали.

Пригоршня завороженно смотрел на девушку, а она будто упивалась своей красотой: то головой качнет, откидывая блестящие волосы, то улыбнется, то глазами сверкнет – они у нее лучистые, светло-карие в оранжевую точку. Причем в ее движениях было не кокетство, а природная грация.

У меня резистентность к женским чарам, больше одолевало не желание обладать красоткой, а любопытство, к тому же надо было выяснить все до

конца. Да, Картограф иногда помогал людям по непонятным причинам, но никто не видел его в Любече, практически на границе.

– Где ты ее взяла?

Девушка вопросительно посмотрела на Вика, тот махнул рукой:

– Рассказывай, пойду, покурю, надоела мне эта история.

– Вы не поверите, она попала ко мне случайно, – проговорила она полушепотом. – Я возвращалась в Любеч и как раз миновала… Знаете огромную помойку-выработку?

Сразу вспомнилась, как не так давно мы там чуть ласты не склеили. Пригоршня сказал:

– Да мы Зону всю исходили вдоль и поперек!

– Сразу за ней лесок, поляна, потом опять лес. Только вышла из лесу, слышу – стреляют, а я одна! Прилегла в яму, похожую на воронку, затаилась. Прямо возле меня прохромал человек в камуфляже, раненый в бедро. Обернулся, выстрелил по врагам, снял сумку, перекинутую через плечо, собрался сунуть под сосну, но увидел меня, бросил сумку мне и попросил найти его в баре «Жирный зомби» на следующий день в одиннадцать утра. Денег пообещал. И побежал дальше. Я уткнулась носом в хвою, капюшон пятнистый напялила, и не дышу. Вскоре рядом затопали натовцы.

– А с чего ты взяла, что это натовцы? – спросил я.

– Потому что наш не сказал бы: «He is bleeding, he won’t get too far away».

– И что это значит? – спросил Пригоршня.

– У него кровотечение, он не уйдет далеко, – перевел я, Энджи продолжила.

– Хорошо, на мне камуфляж был, прямо возле носа прошли и не заметили. Подождала, пока они затихнут, пересекут поляну и исчезнут из вида, вылезла и

рванула прочь. Как и просил незнакомец, принесла сумку в условленное место, но он так и не пришел. Убили его. А в сумке оказалась карта, банка тушенки и пустой контейнер для артов.

– Как выглядел мужчина? – поинтересовался я.

– Высокий, лет тридцать пять на вид, смуглый, со щетиной… У него, вроде, один глаз был неподвижным, словно пленкой затянутым, и седая прядь на виске среди черных волос.

– Тю! Так то ж Бельмастый! – проговорил Пригоршня. – Химик, прикинь, а? Так его натовцы завалили, а не сгинул он.

– Он не представился, – девушка взяла карту из моих рук. – Но у нас теперь есть схема. Не хватает только толковых проводников, – ее палец скользнул по едва заметной зеленоватой линии. – Это начало маршрута.

– У тебя отличный английский, – отвесил комплимент я.

То ли на девушке был артефакт, то ли срабатывало, и правда, личное обаяние.

Энджи махнула рукой:

– А, в детстве мечтала, что меня удочерит американская семья, и я уеду на Дикий Запад. Потом подросла и решила уехать сама. В общем, не сложилось…

Она покраснела, закрыла рот рукой и закашлялась, но приступ вскоре прошел.

– Извините, астма. Ну, так что вы решили?

Честно, не рассчитывал услышать правдоподобную историю. Однако, похоже, Энджи не врет: Бельмастый, правда, сгинул при загадочных обстоятельствах, когда вся Зона сбилась с ног, разыскивая его. Выходит, его подставили, узнав, что он заполучил творение Картографа с бесценной информацией, и искали как преступника. Если те же натовцы прознают, что карта у Энджи… Да и необязательно натовцы. Наверняка и среди братьев-сталкеров найдутся желающие завладеть бесценной картой.

– Как давно вы здесь? – спросил я. – Сколько человек видело карту, и кто именно?

– Никто. Шнобель, вот, да Патриот. Никто не хочет нас сопровождать, все аванс требуют.

– Ты хоть понимаешь, что тебя за эту карту прикончат, а вместе с тобой тех, кто будет мимо проходить?

Энджи распахнула глаза и потерла щеку.

– Если они не побоялись убрать Бельмастого… Хвоста за вами точно нет?

– Нет, я за этим слежу, – прогудел Вик, захлопнул дверь и уселся на свое место, обдав нас густым табачным запахом.

– Да и не натовцы в Зоне хозяева, – пробурчал Шнобель.

– Это как посмотреть, – не согласился Вик. – У них есть деньги, а желающие продаться всегда найдутся.

Н-да, неожиданный поворот. Если за картой охотятся, значит, она действительно ценна, и нам откроется путь к большим возможностям. Но с другой стороны, это снова риск… Но кто не рискует, тот не живет, а проживает.

– Это точно! Не бойся, малая, прорвемся, нам не впервой!

Рановато ты, приятель, согласился, да что уж поделаешь. Как ни крути – выиграем мы больше, чем проиграем. Память у меня отличная, я запомню маршрут и составлю свою карту на ПДА, мы будем делать вылазки за редкими артами, разбогатеем наконец…

– Энджи, а вдруг обещанный клондайк – миф? – озвучил сомнения я. – Не поверю тебе, пока не увижу другую часть карты.

– Увидишь на второй день пути, когда будет хоть маленькая гарантия, что ты нас не предашь. Сейчас я ее не покажу. Не устраивают условия – до свиданья, – она развернула стул и уселась, закинув ногу за ногу.

– Мы принимаем условия, – проговорил я. – Но, во-первых, вы должны перебраться отсюда в более безопасное место. Во-вторых, показать, что у вас есть из снаряжения.

Удивительно, но Пригоршня молчал. Такое случалось редко и значило одно: бедняга пропал, женщина очаровала его до отказа речевого центра.

– Мы здесь не храним, – протянул Вик. – Мы же не безмозглые. Спрятали в надежном месте.

– Или тащи сюда, или показывай «надежное место», – потребовал я. – Пока вашу снарягу не увижу – ничего не обещаю.

Вик и Энджи переглянулись.

– Покажи им. – Велела девушка.

Отвернулась, сунула карту за пазуху и поднялась.

– Если мы – команда, у нас не должно быть тайн друг от друга!

Ага, как же. Доверяй, но проверяй. Это Пригоршня готов ей ключи от нашего схрона вручить вместе с рукой и сердцем, а я пока разум не потерял.

Вик накинул куртку и сделал приглашающий жест. Вышли.

Уже изрядно стемнело, и были видны лишь силуэты, но фонари мы не включали. Шнобель шмыгал рядом, хорошо хоть помалкивал: понимал, что доверять ему никто не будет. Случается такой разряд друзей: в беде их не бросишь, чем сможешь – поможешь, поболтать приятно… но так накосячили один раз, что на них уже не надеешься и вечно подозреваешь.

«Надежное место», как я и полагал, оказалось ерундовым тайником в заброшенной хозяйственной постройке на задворках бара. Был ли это сарай или гараж – судить не берусь. Кирпичное низкое здание с плоской крышей и проржавевшей железной дверью, новенький амбарный замок так и намекал: здесь спрятали важное. Да уж. Учить и учить еще наших попутчиков. Похоже, про удачливость и профессионализм Энджи Шнобель приплел для красного словца: девочка, наверное, один раз в Зоне и была, когда карту получила. Зона любит новичков, особенно – дамочек.

Вик торжественно отомкнул замок.

Осветив фонариком помещение, я приуныл и убедился в правильности своей догадки.

Это никто не стал бы воровать, ну может быть, кроме совсем желторотых сталкеров. Грешно все-таки красть у убогих…

Только блаженный пойдет с такой снарягой глубоко в Зону.

Лучше уж с секирой и аркебузой на мутантов переть!

Два АМТ Хардболлер – клоны Кольта 1911 хренового качества. Зато блестящие. Сразу видно, девушка покупала. Два дробовика Мэвирик – этакий дешевый вариант Моссберга (прямо скажем, тоже не очень дорого), клинит через раз. Пара коробок патронов. Советские походные рюкзаки. И автомобильная аптечка.

– Это кто же вам так… удружил? – спросил прямой, как дорога времен Римской империи, Пригоршня.

– Ну, мы сами все-таки кое-что смыслим! – гордо улыбнулся Вик, но, заметив наши вытянувшиеся лица, уточнил: – А что не так?

– Все, грустно сказал Шнобель. – Все не так. Вы хоть стрелять умеете?

– Между прочим, да. – Видно было, что Вика эта фраза задела за живое. – В органах научили.

– А что ж не ПМ тогда? И не «калаш»? – не унимался наш приятель.

– Так ведь это лучше… Дороже…

– Это – хуже! – отрезал я. – Пригоршня может объяснить, почему. Ладно, кое-что из снаряги у нас есть, вооружим вас двоих. Нас шестеро, правильно? Вы, мы с Никитой, Шнобель и Патриот?

Больше всего происходящее задело Энджи. Она старалась не подавать виду, что сердится, но ее выдавали румянец и недобрый блеск глаз.

Пригоршня насторожился, прижал палец к губам. Это я чувствую только Зону, у Никиты нюх на неприятности – не знаю уж, врожденный, приобретенный в армии или в Зоне. Все послушно заткнулись. Этому, значит, успели научиться.

Сместившись ближе к двери, Никита напряженно вслушивался.

Я тоже прислушался. Вроде, кто-то крадется. Может, Патриот? Он же тоже в команде, вот, решил поучаствовать… Но шаги были слишком осторожными. Вик потянулся за дробовиком, я качнул головой: не стоит спешить.

– Так вот, – как ни в чем не бывало, заговорил Пригоршня, сохраняя напряженный вид, – фигня это. Зря деньги потратили.

Правильно, враг, если это он, не должен знать, что обнаружен.

Пригоршня прищурился, и взгляд у него стал злым. Друг потянулся к поясной кобуре, и я тут же повторил его жест.

Кажется, нас окружили.

Честно говоря, я занервничал: из сарая вела единственная дверь, и у предполагаемого противника было преимущество, мы не могли выйти незамеченными. Пригоршня сменил сосредоточенное выражение на расслабленное – что-то придумал.

– Ну, – громко сказал он, – не при дамах. Я – отлить.

Распахнул дверь и вышел в сумерки.

Энджи скользнула к стене и приготовилась отстреливаться.

Снаружи насвистывал Никита. Зажурчало. М-да. Надо все-таки выбрать момент и объяснить другу, как не стоит пытаться произвести впечатление на девушку. Однако происходящее Энджи не волновало, она собралась и подтянулась, готовая встретить неприятности.

Жестами я объяснил команде, что стоит приготовиться к бою.

Свист оборвался. И тут же раздался выстрел.

Вик сработал грамотно: сшиб Энджи с ног и залег на полу. Шнобель, пригнувшись, скользнул к двери, держа пистолет двумя руками, стволом вниз. Я выключил фонарик.

На улице повисла тяжелая тишина. Я выглянул из двери – аккуратно, шаг по диагонали вперед – тут же назад, снова – шаг вперед, уже под другим углом, и в прикрытие, и снова. Темно – хоть глаз выколи. Можно, конечно, «блямкнуть» светом – фонарь у меня на дофигища люмен, тактический, ослепит кого угодно. Правда, себя выдам.

У Пригоршни был такой же фонарь, и напарник врубил страбоскоп. Мазнул мигающим светом по кустам, кто-то сдавленно вскрикнул. Я выстрелил на голос. Возглас не повторился – промазал. Шнобель, хищно ощерившись и перехватив пистолет правой, левой рукой шарил по карманам. Что-то нашел. Улыбнулся. Встал в дверях гаража и швырнул в кусты лимонку.

Я проворно упал и накрыл голову руками, Шнобель – тоже, Вик и Энджи оставались на полу.

Грохнуло знатно. И вот теперь противник заорал.

И началась стрельба.

Ночной бой – развлечение крайне интересное, если, конечно, против тебя люди, а не видящие в темноте мутанты. Замелькали лучи фонарей, донеслись крики, Пригоршня переместился и теперь вел точечный огонь из-за колоды дров, Шнобель отрывался во всю: вопил и стрелял наугад, я пытался что-то рассмотреть и выбрать правильный момент для атаки…

Внезапно все смолкло.

Не веря своим ушам, мы затаились. Отдаляющиеся шаги. Кто-то сдавленно матерится. И – голос Патриота:

– Други, вы там живы?

– Живы, – откликнулся Пригоршня из-за колоды. – Ты их видел?

– Умотали… Кажется, вы одного продырявили.

Выждав еще немного и убедившись в том, что опасность миновала, осмотрели место происшествия: следы крови (кого-то ранило), примятая трава, стреляные гильзы – и ничего больше.

Враг удалился, едва мы проявили агрессию. Никто так и не понял, чего хотел неприятель, чего добивался – была ли это просто слежка или же сорвалось нападение.

– Обмыть бы надо спасение! – изрек Патриот.

Мы с Пригоршней переглянулись и незаметно кивнули друг другу, я сказал:

– Но прежде надо… Идемте в номер, там поговорим.

– Это из-за карты? – спросила Энджи, пытаясь пригладить растрепанные волосы.

– А ты думала! – самодовольно изрек Пригоршня, шагнул к ней, остановился и вытащил из волос листок, который прицепился, когда она упала.

Девушка сделала вид, что не заметила знака внимания и зашагала дальше.

Затрещали кусты, Пригоршня прицелился туда, хорошо, не пальнул, потому что это был Шнобель, прочесывающий окрестности.

– Смылись, – пожаловался он. – Как в воду канули.

– Жаль, – пророкотал до того молчавший Вик, – с удовольствием с кем-нибудь из них побеседовал бы тет-а-тет.

Мороз продрал по спине от его тона. Я был уверен: разбалтывать допрашиваемых он умел.

– Два года в прокуратуре работал, – признался он и вздохнул. – Но то все в прошлом.

– Да ладно! – воскликнул Пригоршня и подошел к Вику, они были примерно одного роста, только Вик у?же в плечах чуть не в два раза. – Тогда чего столько туфты набрали? Это ж не оружие, а цирк!

Вик поморщился:

– Потому что я – теоретик. Да-да, такое тоже бывает.

Теперь в мою голову закрались сомнения: теоретик – юрист по образованию. Не знаю никого, кто закончил юрфак и страдал от безденежья. Или Вик временно не при делах? Надо будет разведать при удобном случае.

– Ну так что, – подал голос Патриот. – Идем пить или нет?

– Вы идите, а мне с Энджи и Виком переговорить надо. – Поймав недоуменный взгляд Пригоршни, я уточнил: – Да-да, только мне. Вы – в бар, мы – в эээ… номер.

Подождав, пока напарники удалятся, я сказал:

– Сейчас мы пойдем к вам, вы заберете самое необходимое, и я провожу вас в безопасное место, где вы тихо просидите до утра. В семь выдвигаемся.

– Ясно, – кивнула Энджи. – Спасибо.

– То, что вы еще живы, поверь, чудо.

Как более опытный боец, я пошел первым, Энджи с Виком остались у края бара. Фонари слепили, и разглядеть, скрывается ли кто-то в зарослях травы или кустах сирени, было невозможно. Надеюсь, меня тоже плохо видно.

У порога я прижался к стенке, постучал в дверь. Естественно, ответила тишина. Толкнул дверь ногой, держа оружие наготове – она распахнулась и ударилась о стенку. Черт, а ведь мы ее закрывали!

Теперь ясно, почему снайперы не перестреляли нас по одному, когда могли: часть команды обыскивала комнату, когда вторая часть нас отвлекала, они не нашли карту. Поскольку неизвестно, с нами она или в тайнике, убивать нас рановато. А то можно попасть впросак, как с Бельмастым. Интересно, действует одна и та же сила, или появились новые заинтересованные лица? Натовцы устроили бы на нас доз-атаку и количеством задавили бы. Так что с уверенностью сказать, кто наш враг, нельзя. Скорее всего, он не один.

Теперь вопрос: что такого важного на карте? Не поверю, что натовцев интересует поле артефактов, разве что один из них, особо ценный. Или так, или девчонка ооочень недоговаривает. В любом случае, мы уже ввязались в это дело, а раз картой интересуются натовцы, значит, в конце пути нас ждет что-то ценное.

Выждав минуту, я метнулся в комнату и прижался к стене. Никто не открыл огонь. Рука скользнула к выключателю, и взору предстал дикий хаос: перевернутые кровати, выпотрошенные матрасы, развороченная печь, разбитые ящики шкафов, перевернутая тумбочка, разбросанное повсюду нижнее белье. Н-да. Примерно так же выглядит квартира после набега домушников.

– Чисто! – крикнул я, выключил свет и выглянул из укрытия, все еще ожидая нападения. Когда Энджи переступила порог, добавил: – Только не пугайтесь, у вас были гости.

– Вот суки, – выругалась Энджи, подняла вывернутый наизнанку рюкзак и принялась собирать вещи, которые ей пригодятся в Зоне. Вик замер, потирая подбородок, но вскоре и он занялся сборами.

Ушло у них на это минут пятнадцать. Странная все-таки парочка. Следует за ними понаблюдать, и Пригоршне сказать, чтоб не сильно откровенничал.

Энджи несла в основном вещи, и рюкзак у нее был объемным, но легким, а вот еду, снарягу и прочее тащил Вик, его рюкзак, такой же по объему, весил в два раза больше.

Недалеко от нашего с Пригоршней схрона была железная трансформаторная будка, где мы летом иногда ночевали. Туда я и отвел Энджи, включил фонарик и осветил помещение.

Спартанскую обстановку она восприняла спокойно, уселась на перины, сваленные одна на другую, похлопала по ним и принялась причесываться, снова собирая волосы в хвост.

– Надеюсь, клопов тут нет? Что комары заедят, молчу.

– Лучше комары, чем враги, – проговорил Вик и пригнулся, переступив порог. В будку он не помещался и потому сразу сел.

– Спокойной ночи, – я выключил фонарь. – Закрывайтесь на замок. Если вдруг что, под периной – потайной ход, так что я за вас не беспокоюсь.

– Спасибо, – проговорила Энджи с теплом. – Спокойной ночи, Андрей.

Закрыв дверь, я услышал щелчок засова и зашагал прочь, стараясь по возможности меньше шуметь. Бар, освещенный двумя фонарями, словно парил посреди черноты. Доносились голоса, звон посуды и стрекотание ветряка.

Глава 2

За столиком, где мы встречались с клиентом, Патриот положил руку на плечо Пригоршни и, недоверчиво обводя бар глазами, что-то шептал ему на ухо. Гитару в чехле он прислонил к стенке. Никита сосредоточенно кивал, потягивая пенное пиво из запотевшего бокала.

А ведь действительно враги могут быть среди посетителей бара. Взгляд остановился на четверке охранников, которые выдворили нас утром. Никто из них не был ранен, они самозабвенно рубились в нарды и не обращали на нас внимания.

Бармен расставлял бутылки, повернувшись задом. Возле стойки грустил Бурун вместе с малознакомым блондином. Компания из трех человек гудела в другом конце зала, там дискутировали о том, как долго продлится кризис. Молчаливая парочка Курок и Длинный – и все посетители. Похоже, нападавших среди них нет, либо же они здорово маскируются.

Усевшись напротив Пригоршни и Патриота, я проговорил:

– А мне пивка не взял? Друг называется.

Пригоршня ответил обиженно, надвигая шляпу на лоб:

– Ты, значит, с красоткой был, а мы тут… – он махнул рукой. – Э-эх!

– Да успокойся ты, – пришел на выручку Шнобель, сидевший в темном углу у стены. – Все равно не для нас та красотка. Другого полета птица.

Пригоршня тяжело вздохнул. Я специально развернулся в сторону зала, чтобы боковым зрением отслеживать, интересуется ли кто-то из посетителей нашим столиком. Похоже, никому не было до нас дела.

Посидев немного, я прошествовал к стойке, сделал заказ и, пока бармен наливал пиво, смотрел на зал через засиженное мухами зеркало, что висело, где обычно цепляли телевизор. И опять никакого внимания посторонних. Значит, нападающие убрались, но надолго ли?

Совсем нетрудно проследить за нами. Черт, какое отвратительное дежа вю! Это уже с нами было, причем не так давно, когда Шнобель ввязал нас в переделку, а потом сдал наемникам. Неужели и на этот раз? Я покосился на него. Слегка охмелев, он казался довольным и благостным.

Нет, вряд ли, уж очень парень изменился. Тут Энджи сама виновата. Все равно, что размахивать перед грабителями пачкой денег.

Что бы ни было на второй части карты, даже половинка, которую показали мне, очень ценна. Стоит она примерно тридцати жизней сталкеров, которые погибли бы, пока прокладывали новые маршруты. Получил карту – и ходи себе спокойно, пока выброс не случится и не перетасует аномалии.

Я сел напротив Шнобеля и с удовольствием отхлебнул из бокала. Да, пиво тут, действительно, на десять баллов. Но мне не дали насладиться вкусом, Патриот завел любимую песню:

– Знаете, что я думаю? За нами натовцы охотятся. Если бы это были сталкеры, – он щелкнул пальцами. – Понимаете, мы все лазейки знаем: где подкараулить, кому взятку дать. А они вообще не умеют так работать, потому что тупые, у них все «по-честному». Потому и носятся толпой и, чуть что, сразу сваливают: их же прикончат, если поймают. Спрашивается, кто пустил иностранцев в Зону? – он припечатал ладонь к столу. – Вот, что я думаю: янки гоу хоум!

– Так мы почти все тут иностранцы, – пожал плечами я. – Я бы не был так уверен. Номер Энджи обыскали, те люди не собирались убивать, их задача – при необходимости задержать нас.

Видимо, намек, что мы все иностранцы, задел чувствительную струну в душе Патриота, и он залился рассказом об ариях, единстве славянских народов, о том, как уничтожали исконно славянскую веру. Славяне едины, просто русские не забыли корней, в отличие от всех остальных.

Его рассказ изобиловал множеством непонятных слов, и Пригоршня заскучал, мне же было интересно – столько слышал об этом персонаже, и вот он во всей красе. Раньше думал, что он типа городского сумасшедшего, теперь свое мнение изменил: человек проделал огромную работу, собирая эти сведения. Он именно копал – допрашивал историков, поднимал архивы. Правда, обращал внимание на

детали, которые ему выгодны, прочие попросту не замечал. Но упорство его достойно уважения.

Минут через пятнадцать, когда Патриот начал меня знакомить с историей германского нацизма, я тоже заскучал, а через полчаса готов был лечь лицом в салат. Патриота утомленность собеседников не волновала – он с удвоенными силами творил добро, то есть нес истину в массы.

Пиво начало подходить к концу – в обоих смыслах, я растолкал задремавшего Пригоршню:

– Просыпайся, историк. Нам пора по домам, завтра вставать ни свет ни заря, а еще подготовиться надо.

С полминуты лицо Пригоршни было благостным, будто ему снились гурии. Или не гурии – Энджи пришла в его сон.

Вздохнув, он поднялся, громыхнул стулом, кивнул Патриоту, прощаясь, и потопал к выходу. Я поспешил за ним. Патриот проводил нас взглядом, подперев голову рукой.

– Ну, что, приятель, вооружаться? – прошептал я.

– А то! – воскликнул Пригоршня.

* * *

Прежде чем идти к тайнику, мы убедились, что никто не следит. Даже если нет предполагаемых натовцев, доверять ближним не стоит. Братство сталкеров – миф, в него перестаешь верить почти сразу. Из аномалии тебя, может, и вытащат, накормят (если встречные «братья» не из враждебной группировки), но схрон обчистят при первой возможности. И потом, глядя честными глазами, будут сочувственно хлопать по плечу: как же так, вот не повезло…

А уж клиенты, тем более, непроверенные – обязательно гадость сделают, стоит повернуться спиной.

Поэтому мы вежливо и сердечно (особенно – немного перебравший пива Пригоршня) распрощались и, изображая достаточную степень опьянения и благодушия, поковыляли чуть ли не обнимаясь: два другана, только что нашедшие заказчика и по этому поводу принявшие на грудь.

У двери старого, заброшенного магазина вмиг протрезвевший Пригоршня огляделся.

– Чисто.

Мы нырнули внутрь, спустились по лестнице в свое убежище, запалили керосинку и провалились в тяжелый сон – что ни говори, а намучились с «ластиком» знатно…

Я проснулся от того, что Пригоршня тряс за плечо:

– Вставай, нам собираться еще.

Знакомая обстановка бывшего бомбоубежища действовала успокаивающе, как родной дом. В каком-то смысле это и был мой дом, по крайней мере, в других столь гостеприимных местах давно не доводилось ночевать. Деревянные лежаки вдоль стен, сдвинутые столы посреди комнаты, прохлада и запах сырой известки. Никита уже сообразил завтрак – разогрел на газовой горелке по банке тушенки, заварил кофе.

– Который час?

– Шесть утра.

Ох… Я дополз до умывальника, налил себе чаю, без аппетита поковырял тушенку. Пригоршня наворачивал, и глаза его подозрительно сверкали.

– Да, Никита, смотрю, поразила тебя стрела Амура…

– Че?!

– Энджи эта, говорю, тебе понравилась.

– Да не… Ну, ничего так. Дело интересное. Ты, Химик, умный. Вот скажи, откуда у девчонки карта новой Зоны? Ты в эту историю с Бельмастым веришь?

– Ну, с одной стороны, нет причин не верить. С другой – кто же нам всю правду расскажет, сам подумай? И, с третьей, даже если Энджи наврала с три короба – какая нам разница? Ничего такого, чтобы заманить нас в ловушку и убить, мы не знаем, не умеем, и имущества – кот наплакал.

Логика, как всегда, подействовала на Никиту: простые доводы напарник уважал.

– Кстати, об имуществе. – Пригоршня отодвинул опустевшую банку. – Нам нужна снаряга на шестерых.

– На четверых, – поправил я. – Патриоту и Шнобелю жирно будет, пусть со своим прутся. Тем более, ты же знаешь, Патриот у нас слегка сдвинутый. У него даже обувь отечественного производства! И ничего, кроме Калаша и Макарова, его взять не заставишь.

Пригоршня пренебрежительно хмыкнул. Да, чудачества Патриота были известны всем сталкерам Любеча, а может быть, и Зоны. Деньги у парня, вроде, водились, но ходил он в армейском камуфле, кирзовых сапогах (и портянки наматывал!), с допотопным вещмешком, а современным пистолетам предпочитал классический, но не дальнобойный и уж точно, не прицельный, ПМ. Поговаривали, что курит Патриот «Приму» без фильтра, пьет исключительно водку и закусывает только российскими продуктами. В общем, у каждого – свои тараканы, у Патриота они были относительно безопасными, чудными просто.

Шнобель же – малый запасливый. Он нам, конечно, боевой товарищ, но не друг. И уж точно мы не подписывались его содержать.

Остаются Энджи с дядюшкой Виком.

Пригоршня подхватил керосинку, и мы перешли в необитаемую часть убежища, служившую складом.

За те пару лет, что мы с Никитой работаем в паре, скопили достаточно. Случись «разводу» – замучаемся делить. Шкафы и полки были плотно заставлены

контейнерами с артефактами (недостаточно дорогими, чтобы быть проданными в голодные времена и недостаточно уникальными, чтобы тут же, по нахождению, быть использованными – рядовыми, но необходимыми), на специальных стойках – оружие (прямо скажем, далеко нам до американских боевиков или магазина, но не бедствуем). Грудами на полу – шмот и снаряга, более-менее разобранные по категориями.

Патроны находчивый Пригоршня всегда покупал про запас, «шоб було» и хранил в сундуке.

Я не собирался ни на что менять М-4, разве что планка Пикаттини позволяла присобачить подствольный гранатомет, о чем стоило подумать, а вот Никита, осмотрев оружие и почесав шрам на лбу, заявил:

– Возьму-ка я АА-12.

Эту машинку мы еще не использовали, Пригоршня купил в припадке мотовства. Автоматическое ружье двенадцатого калибра с барабанным магазином на тридцать два патрона. Дробь, понятно, или картечь. Мутанта не просто остановит – разнесет в клочья, единственный минус – прицельная дальность всего сорок метров, меньше, чем у Макарова.

– Винтовку тоже возьму, – заверил меня Никита.

Пригоршня – он такой. Он лишние семь с половиной кило упрет и не поморщится.

Короткоствол у нас был одинаковый – глок-17, замечательная, как по мне, машинка.

И, естественно, рюкзаки с системой молле, разгрузы, очки солнцезащитные (актуально для весны), перчатки, обувь. Аптечки, еда, фляги; дезинфектор для воды; запас батареек; всякая мелочь типа сменных носков (мелочь-то мелочь, а стертые в кровь ноги во время похода – приговор). Патроны – в магазинах и россыпью. Это в боевиках герои просто отбрасывают пустые магазины, им сценарист новые подгонит. В нашем случае так не выйдет. Истратил – набей.

Оружейное масло, набор для ухода за стволом – обязательно. Оружие – товарищ и брат в бою, подведет – даже некого обвинить будет, сам виноват.

Я примерил кепку.

Пригоршня остался в ковбойской шляпе, еще на шею, пижон, платок нацепил.

Взглянув на платок, я сунул в рюкзак шесть респираторов – это Зона, а не Бродвей, вполне могут пригодиться.

Светошумовые гранаты, обычные «лимонки», веревки – да хотя бы в случае с «ластиком» что бы мы без них делали? Фонари – тактические, налобные, «динамо» – в Зоне есть места, где батарейки дохнут. Спички во влагонепроницаемой упаковке. Котелки, кружки, миски, ложки. Нож у каждого свой.

Спальники. Две палатки.

Оглядев рюкзак и прикинув его вес, я попрощался с позвоночником.

Ну, с нами понятно, шахиду одеться – только подпоясаться, мы быстро собираемся.

А вот «с нуля» и из имеющихся запасов нубье экипировать, тем более – хрупкую девицу… Энджи ведь на себе тридцать кило не утащит, ежу ясно.

Чем обычно вооружаются нубосталкеры? Пригоршня мог бы, если бы умел связанно излагать, лекцию прочитать на эту тему. Правда, мне пришлось бы сидеть в будке суфлера и старательно «запикивать» то, что он думает о покупателях и торговцах…

– Как думаешь, что ей подойдет? – спросил Никита, будто прочитав мои мысли.

– Розовенькую винтовку подари, – на автомате отбрил я. – Или сразу – кольцо с брюликом.

– Ей бы глок сорок второй, – мечтательно закатил глаза Пригоршня.

– Дружище! – воззвал я. – Очнись! Ты не предложение делаешь, а на мутантов идешь! И ты не в магазине, выбирай из того, что есть.

Арсенал, и правда, не был рассчитан на хрупких дев. Временно отложив проблему вооружения Энджи, мы собрали неплохой комплект Вику: все, как у себя, только не М-4, а М-16, подержанная, но крепкая.

На девушку взяли самый маленький броник (все равно – утонет) и самый небольшой рюкзак, куда воспылавший нежными чувствами Никита от щедроты душевной упаковал банок десять тушенки.

– Ты бы еще вязанку дров положил… – посоветовал я. – Ей же это ни с одним артефактом не утащить! Тебе девушка нужна – чемпион по пауэр-лифтингу, ты бы ей песни под гитару пел.

Услышав последнее, Пригоршня дернулся и приуныл:

– Ты про гитару… Не надо вслух.

– А что такое? – искренне не понял я. – Тяжелое детство, музыкальная школа, суровая преподша по сольфеджио? Рояль хоть с собой не носишь?

– Тю! Ты что? Ты песни Патриота слышал?

– Нет, – признался я.

– Услышишь. – Со зловещей улыбкой пообещал Никита. – Эти, тампоны в уши не забудь. Или стрелковые наушники. Он хорошо поет, громко.

Вспомнив, за что Патриот получил прозвище, я сразу захотел, чтобы он забыл гитару…

Патриот. Арийцы. Бельгия. Не знаю, почему в моей голове родился такой ассоциативный ряд. Но бельгийцы в конце двадцатого века изобрели замечательный пистолет-пулемет FN P90, того же калибра – 5,7 – что и более известный Файф-Севен, годится и под патрон 9 мм Парабеллум, магазин – на

пятьдесят патронов, вес – курам на смех, три с мелочью кило, а прицельная дальность более, чем приличная – 200 метров.

– FN P90, – напомнил я Пригоршне.

– А разве у нас? А-а, точно!

Пригоршня рванул к стойке, покопался и вынул удивительно короткий – двадцать пять с половиной сантиметров, почти квадратный, невороненый ствол. Он напоминал игрушку в стиле стим-панк и наводил одновременно на мысли о фашистских захватчиках: яйко, млеки, ахтунг, хенде-хох!

История появления у нас бельгийского пистолета-пулемета была, мягко говоря, необычна.

Началось все с кабана. Кабана-мутанта, подстреленного кем-то в Зоне, недалеко от Любеча. Открылся у нас тогда бар «Пьяный сталкер» – с типа клубной системой, заоблачными ценами и обязательным мордобоем в конце дня.

Держал «Пьяного сталкера» Шурик по прозвищу Добряк – сто тридцать кило улыбки и добродушия. И пудовые кулаки… Добряк считал себя поваром от бога, и в кабана вцепился сразу, денег отвалил по цене парной говяжьей вырезки за кило, пообещал необычайное пиршество, созвал по этому поводу бывалых сталкеров и жадное до новых впечатлений нубье. И зажарил мутанта целиком на вертеле. Я есть отказался и Никите не дал – свинина с кровью вообще не безопасна, а уж у нас… Собственно, все бывалые отказались, и новички, глядя на нас – тоже.

Добряк обиделся, даже оскорбился.

Отхватил с окорока исходящий ароматами и соком ломоть, повязал салфетку, налил себе пива и сел ужинать. Мы тянули свои порции и наслаждались цирком. Как он ел! После недельного перехода я неспособен есть так! Чавкая, причмокивая, облизывая пальцы, Добряк наслаждался свининой.

Никита захотел присоединиться, я прочитал ему короткую лекцию из школьного курса биологии: что водится в кабане и почему нельзя налегать на

непрожаренное мясо. Слово «финны» Пригоршню особенно порадовало.

Добряк поперхнулся, схватился за горло.

Тут же пришли на помощь, попробовали вытащить застрявший кусок – тщетно. Добряк кашлял, давился, а потом завыл, схватившись за живот. И из него полезло.

Никита, на что крепкий, тут же отдал ужин обратно, я вообще свалился под стол. Потому что ни разу не видел бледных червей, прорывающихся сквозь кожу человека. Кровь, вонь, извивающийся клубок щупалец на месте Добряка… В общем, глисты-мутанты. Очухавшиеся сталкеры открыли огонь, упокоив несчастного. Но желающих проверить, не осталось ли опасности, не нашлось – кроме меня. Должно быть, я, как самый умный, понял: и паразиты, и Добряк мертвы.

А на стуле у него висел тот самый FN P90, к счастью, заряженный.

И когда черви, вроде бы, обмякшие, настроились меня сожрать, я схватил пистолет-пулемет, дал очередь и отпрыгнул. Все посетители, вместе с персоналом, выскочили из бара. Дверь забили, дом сожгли.

А пистолет-пулемет остался у меня в руках и перекочевал на склад.

– Ей пойдет, как думаешь? – с надеждой спросил Пригоршня.

Силясь отогнать ассоциацию с червями, я пробормотал:

– Конечно, пойдет.

Пришел черед артов. Тут можно было особенно не гадать: все равно после Изменения появились новые артефакты, а некоторые старые поменяли свои свойства. Поэтому брали безвредные и проверенные: регенераторы, облегчалки (Пригоршня, адекватность которого вызывала сомнения, положил в рюкзак Энджи три штуки – наверное, чтобы скомпенсировать тушенку), паутину, останавливающую кровь, батарейки, дающие силы, еще по мелочи. Мы надеялись, что необходимое найдем по пути, потому что место в рюкзаках

трагическим образом закончилось.

Больше всего места занимали пустые контейнеры под артефакты.

Через полтора часа мы были готовы и выползли на солнышко.

Предстояла встреча с командой и долгий путь.

* * *

Команда засела в «гусятне». Шнобель, Вик и Энджи были на месте и, судя по количеству кружек, употребляли по третьему кофе. Руки новичков чуть подрагивали – волнуются, салаги. Энджи делала гордый и независимый вид. Пригоршня бухнул на пол рюкзаки с амуницией и пустился в разъяснения, я попросил кофе и яичницу – зря не позавтракал, теперь пожрать тянуло. Ждали Патриота. Вчерашнюю перестрелку не обсуждали. Вполуха слушая, как Никита разливается соловьем, я спросил у Шнобеля:

– У тебя-то все есть?

Он скривился, будто лимон съел.

– Да как тебе сказать… бывало и лучше. Нам бы вездеход…

– Забудь. Опыт показал – транспорт в Зоне бесполезен.

– Да знаю… Не учи отца чай заваривать! Но все равно, что-то мне стремно, брат. Неспокойно мне. Я этим, – он коснулся выдающегося носа, – чую неприятности.

– В прошлый раз ты был нашей главной неприятностью, – напомнил я.

– Кто старое помянет…

– Други! – рев Патриота прервал нашу перепалку. – Готовы ли вы на подвиги?!

Правильно говорят: девяносто процентов людей симулировало эволюцию. Патриот – так точно. Кирзачи его были украшены бело-голубым гжелевским узором, изображавшим невиданные цветы. На голове красовалась буденовка. Армейский камуфляж, затертый и застиранный, «калаш», висящий поперек груди, дополняли картину «Развесистая клюква: неизвестный сталкер; холст, масло».

Гриф гитары, торчащий из-за могучего плеча Патриота, наводил на размышления.

– Готовы-готовы. Присаживайся, добрый молодец, кофею испей! – откликнулась Энджи, прищуриваясь.

Ба, да девушка-то с юмором! Аж теплее на душе стало.

Патриот неожиданно послушался, взял кофе и подсел за наш столик. Глаза истинного русича сверкали, он косился на Энджи и восхищенно вздыхал. Девушка пыталась поднять рюкзак, это ей удавалось с трудом. Хоть она и не подавала виду, даже с облегчалками плод страсти Никиты был для нее тяжеловат. Встать с ним получалось с трудом, не то, что идти.

– Пригоршня, убирай тушенку, – посоветовал я.

– А что жрать будем? Порося радиоактивного?

– Тебя! Энджи, если упадет, с таким грузом не поднимется, придется ей ползти, что той черепахе.

– Поднимусь, не беспокойся! – возмутилась Энджи.

Кажется, с субординацией в команде туго: мое интеллектуальное превосходство признавали только Пригоршня и Шнобель. Девочка считает главной себя, Вик, естественно – себя (как же, как же! И старше, и в прокуратуре работал), а для Патриота нет бога, кроме Отечества. Пришлось толкнуть речь.

– Минуточку внимания. Всем вам известно, что в команде должен быть главный. И все вы понимаете, что командир – один. И всем вам хочется занять это место.

Сейчас мы с Никитой объясним, почему слушаться надо нас. Что касается стратегии, аномалий и мутантов – меня. Если речь идет о тактике, стрельбе и людях – Пригоршню. А мы уж между собой договоримся, и противоречивых приказов отдавать не будем.

– Начальник выискался! – фыркнула Энджи.

– В живых остаться хотите? Слушайте бывалых. – На этом месте Патриот и Шнобель поддакнули. Они-то Зону нюхали, понимают, что новичков следует сразу призвать к порядку. – Значит, самые главные – мы с Пригоршней. Если нас убьют – Патриот. Если вдруг и его кончат – слушайтесь Шнобеля, он вас выведет.

Шнобель хотел было возмутиться, но вспомнил о причине недоверия и заткнулся.

– Итак, – продолжил я вещать на радость всем посетителям «гусятни», – мы – везунчики. Зона нас любит. Это – не метафора, мы-то знаем: у Зоны есть душа. И даже с ней, представьте себе, знакомы. Кроме того, я чую аномалии, скопления мутантов и начало выброса, а Никита, как вы вчера могли убедиться, любую опасность. Мы знаем артефакты. Мы изучили повадки мутантов. Наконец, мы метко стреляем, быстро бегаем и неплохо соображаем. По крайней мере, Пригоршня метко стреляет, а я умею думать… С этим понятно?

Энджи открыла рот, чтобы возразить, но неожиданно вступил Вик. Его мягкий баритон прозвучал уверенно:

– Согласен. Вы бывалые. Вам нас и вести.

– Да, – солидно кивнул я. – И вы будете нас слушаться.

– В туалет – по команде, – влез Пригоршня, пялясь на Энджи влюбленными глазами.

Ох, дала Зона напарничка!

– Именно, – сделав вид, что так и надо, подхватил я. – Дышать – по команде. Скажу замереть – замерли. Без разрешения – ни звука, ни шага. Вы решения не

принимаете. Если у костра на привале я вас выслушаю, то в бою держите свое мнение при себе. Осознали?

Они кивнули. Все. Даже Энджи.

– Ну, тогда пошли.

Мы шумно поднялись и принялись надевать рюкзаки. На душе было волнительно, как давным-давно, когда Зона была загадкой, полной неизведанного.

– Пошли – так пошли, – проговорила Энджи и зашагала к выходу.

Глава 3

Места вокруг Любеча – хоженые-перехоженые. Во всех направлениях идут сталкерские тропы – не так, чтобы протоптанные дорожки, а просто давным-давно нанесенные на карту «безопасные» пути. После Изменения, конечно, безопасных и изведанных мест почти не осталось, но кое-что уже разведали, и часах в четырех пути всё излазили.

Если верить половине карты, показанной Энджи, нам следовало топать на запад к загадочной локации «Перевалочная база». База эта располагалась мало того, что далеко, еще и в стороне от привычных маршрутов, зато и от баз группировок, попиливших Зону, как правительство – отчизну, в стороне. Сам я о «Перевалочной» никогда не слышал, но мало ли, о чем я не слышал.

С ПДА Энджи уже была знакома, а Вик довольно быстро освоился, хоть и поглядывал на новую игрушку поминутно. Правильно, в общем, делал: расслабляться не следует, у нас места такие – даже в сортире можно мутанта встретить. Правда, после Изменения ПДА «подглючивали», и я об этом новичков честно предупредил. Сам же я нанес на карту наш предполагаемый маршрут и точки аномалий и мутантов. Мало ли, что. Пригодится.

Патриот молча тащил снарягу и гитару. Я решил, что слухи о его непереносимости сильно преувеличены.

Пригоршню я сперва поставил первым, но он постоянно оборачивался и пялился на Энджи, пришлось перестраиваться: я – первый, за мной – Патриот, следом – Вик, Энджи, Шнобель. И замыкает Никита. Пусть себе глазеет на обтянутый камуфляжными штанами зад девушки – я Пригоршню знаю, он всегда настороже, его ничто не отвлечет.

Идти вглубь несработанной командой – верная смерть, поэтому я разработал план. Простой на самом деле и банальный: учебная тревога. Где-то через час команда подустанет и внимание рассеется, это естественно. Тогда и будем работать.

А пока что все были сосредоточены, как американские шпионы в тылу врага.

Ни шуточек, ни разговоров. Красота, в общем, загляденье, а не отряд. Опыт подсказывает: скоро начнутся перешептывания, потом – болтовня, потом Энджи отвлечется на цветочек у дороги, потом захочется сделать привал, «бывалые» начнут травить байки…

Удивительно: погожее весеннее утро, начало приключения, а настроение у меня ворчливое, как у старой бабки. Не к добру. Хоть назад поворачивай.

Я поднял руку, останавливая движение.

Спутники послушно замерли. Обернулся: Вик, застигнутый командой посреди шага, аккуратно поставил ногу и виновато улыбнулся. Молодцы.

– Спокойно. Никита, подойди-ка.

Никита «змейкой» прошел отряд (красовался перед Энджи, не иначе) и приблизился, изображая послушание и почтительность.

– Рядовой Пригоршня здесь!

– Никит, ты ничего не чувствуешь?

– То есть? – моментально насторожившись, уточнил напарник.

– Твоя интуиция ничего не подсказывает?

– Нет. А должна?

– Да ничего, вроде. Как-то мне муторно.

– А пить вчера надо было меньше! – фыркнула Энджи.

– Ты того, – прогудел Никита, – не надо. Химик разное чует, просто не всегда понимает.

Вик почесал нос и уточнил:

– А что ты чувствуешь?

– Да ничего, – мне надоела пустая болтовня. – Ничего. Показалось. Пойдем.

Никита задержался, прежде чем вернуться в хвост, заглянул в лицо:

– Что, Химик?

– Сам не знаю. Будь настороже на всякий случай.

Двинулись. Солнце припекало все сильнее, обещая, что теплое утро скоро превратится в жаркий день. По спине медленно, щекотно текла первая капля пота. Зудел над ухом комар. Я перекинул рюкзак на живот и, не сменяя темпа, достал из кармашка ПДА. На экране было пусто, только по краю двигалась зеленая точка – кто-то из сталкеров.

Да что ж такое-то?! Муторно, тошно. Неужто права Энджи, и я просто выпил лишнего и недоспал?

И ощущение, что следят за нами. Пристально так смотрят куда-то в район седьмого шейного позвонка. Сквозь прицел оптической винтовки.

Впрочем, слежку заметил бы Никита. И на ПДА бы сигнал был.

Расслабься, Химик, тебя просто накрыло паранойей. Это бывает. Лучше быть живым параноиком, чем доверчивым, но мертвым типом.

Если верить карте (а как не верить схеме, нарисованной самим Картографом?), опасных аномалий поблизости не было. Местность вполне открытая: поля, перелески, рощи, ни высоких холмов, ни глубоких оврагов, ни даже построек – только левее, километрах в трех, россыпь домиков. Это деревня Глыбово, давно заброшенная и сто раз обшаренная. Ничего интересного. Думаю, там даже облегчалку не найти: все новички первым делом осматривают поселки и деревни недалеко от Любеча.

– Я вот, чего не пойму, – внезапно заговорил Патриот. – Эти, ночные. Это кто был?

– Черт знает, – откликнулся Никита, – не разглядел. Без знаков отличия. Ни нашивок, ни шевронов.

– У меня кто-то схрон вскрыл, – пожаловался Патриот. – Я туда – смотрю, переложили. Ничего не забрали. Даже деньги.

Вот это новость!

– Ты почему раньше не сказал? – озвучил мою мысль Никита.

– Думал, может, я сам переложил – и забыл. Не, не забыл. Не перекладывал. У меня внизу, значит, патроны для автомата, сверху – для пистолета. А было наоборот.

– Карты, схемы? – уточнил я.

– Такого в схроне нет.

Прекрасно! За картой охотятся. Кто? Вряд ли натовцы, они бы нас повязали и допросили. Скорее, кто-то из своих, потому никого и не убили, чтобы шумиху не поднимать, обыскивали-подслушивали.

В таком случае нужно ждать нападения.

Только отойдем подальше, враг себя обнаружит.

Повисло нехорошее молчание – все подумали о том же. Нарушил его я:

– Ночью нас хотели не убить, а отвлечь. Пока мы воевали, они быстренько нашли ваши схроны, номер Энджи обыскали. Нас пока не трогали – не знали, что мы при делах.

– А меня не обыскивали, – подал голос Шнобель. – Правда, у меня не заначка – одно название.

– Вот куда ты, Шнобель, деньги деваешь? – поразился Никита. – Ты же пригоршнями гребешь, не хуже нас! Ну, чуть хуже.

– Куда надо, туда и деваю. В банк на депозит. На мирную старость.

Пригоршня с Патриотом заржали. А я подумал, что эта ситуация мучительно мне напоминает знакомство со Шнобелем. Предатель – он предатель и есть. И дурак, к тому же, если так открыто признается: его единственного не тронули.

Совсем уж истоптанная сталкерами местность тем временем кончилась. Я вытащил горсть гаек и принялся кидать перед собой в особо подозрительных местах. Сейчас хорошо, трава свежая, зеленая. Если «жарка» какая-нибудь или гравитационная аномалия – видно. Пожухнет зелень или примнет ее, будто зверь повалялся, значит, надо туда кинуть гайку. Любые две выступающие точки – булыжники, кочки, тем более – холмы намекают на опасность. Между деревьями тоже лучше не соваться, там тени пятнами, можно чего-нибудь не заметить. А уж паутина… Зона не любит суеты. Зона благосклонна к осторожным, но любопытным, а суматошных предпочитает убивать или калечить сразу.

Под ноги будто сама сунулась заброшенная грунтовка – только и осталось от дороги, что две еле намеченных колеи. И кое-где торчали столбы, правда, провода давно уже срезали.

Отряд снова притих. Все старались попадать след в след.

Я прислушивался, принюхивался и настраивал себя на Зону.

Вот там, чуть правее, танцует столбик «однодневок». Или правда мошкара толчется, или же аномалия. Вроде, мы мимо проходим, только вот не хочется мне наступать на дорогу. Настолько не хочется, что аж воротит.

Дав группе сигнал остановиться, я бросил гайку в направлении мушек. Они брызнули врассыпную, и тут же снова собрались в столбик. Вниз-вверх, вниз-вверх, танец ритмичный, примитивный. Да безопасно там, даже симпатично. Цветы желтые, кажется, лютики, глянцевые листики травы. Вниз-вверх… Надо же, такие примитивные организмы – а так красиво выплясывают. Наверное, им хорошо. Туда и направимся, точно.

Улыбаясь от умиления, я шагнул к мошкам.

– Стой! – заорал кто-то за спиной.

А вот завидовать – дурно. Я сейчас наслажусь зрелищем вблизи, вплотную подойду, чтобы полюбоваться, а вы оставайтесь, если хотите.

– Стой, Химик! Андрюха, стой! Замри!

Нет, ну каков друг, а? Товарищ боевой, называется. Мог бы составить компанию, а не завидовать, не пытаться остановить меня на пути к счастью.

– Никита, останови его! – Энджи.

– Замри! – Патриот. – Ни шагу. Нельзя к нему приближаться. Его «повело».

– Вот ведь копать-колотить! – Никита. – Отойти всем. Три шага назад. Я попробую…

Шмяк.

Я не устоял – упал, когда в висок прилетело что-то увесистое. Голова загудела, но в ней прояснилось. Мошки все еще танцевали, и я с трудом отвел взгляд – мельтешение вызывало тошноту, но притягивало.

Прямо перед носом валялся женский, небольшого размера, берец.

– Ну ты даешь! – восхищенно выдохнул Никита. И тут же добавил уже для меня: – Закрой глаза и ползи назад.

Послушно зажмурившись, я сдал задом. Никита командовал, наконец, крикнул:

– Хватит. Вверх, на небо гляди.

– А что он там увидел? – поинтересовалась Энджи.

– Что бы ни увидел, – влез Шнобель, – советую туда не смотреть. Лучше небом любуйтесь. Или другом нашим Химиком.

Я перевернулся на спину. Небо было ярко-голубым, без единого облачка. В руке я, оказывается, сжимал берец, спасший жизнь. Скосил глаза и увидел Энджи, поджимавшую босую ногу.

– Спасибо.

Сесть получилось с трудом.

– Твой? Держи. Ты мне жизнь спасла. Как догадалась-то?

– Ты пялился в одну точку и нас не слышал. И улыбался так… Дебиловато. Что тебе не свойственно, ты же не Никита. – Комплимент я оценил по достоинству. – Хотелось дать оплеуху, но Пригоршня велел не суетиться. Тогда я решила в тебя чем-нибудь кинуть. А кроме ботинка ничего под рукой не оказалось.

– Еще раз – спасибо! – Мне удалось встать и поклониться, хотел руку поцеловать, но под взглядом Никиты не решился. – Туда не смотреть. Мерзкая штука, ловит и ведет. Раньше такого не было.

– Вообще много психических развелось аномалий, – встрял Патриот. – И одна другой гаже.

– Ты идти можешь? – уточнил на всякий случай Пригоршня. – Первым?

– Могу. Странно, что я опасности не почувствовал.

О том, что муторно было с утра, я пока промолчал. Никуда не делись ни пристальный взгляд (упиравшийся в основание черепа, куда ни поворачивай), ни ворчливо-унылое настроение. Еще и сердце после передряги сбоило, частило.

Энджи закатала брюки до колен и принялась зашнуровывать берец, Пригоршня пялился на ее ногу. Я пощупал висок и скулу – синяк обеспечен.

– По дороге, за мной. По левой колее. Шагом – марш.

Двинулись.

Медленней, чем мы с Пригоршней обычно ходим в этих краях. Впереди, вся в кипенье зелени, показалась очередная заброшенная деревушка, Сорокино. Двенадцать домов, брошенных после катастрофы, проваленные крыши, темные срубы… Кажется, там и до образования Зоны почти никто не жил. Может, несколько древних бабок коротали век, ковыряясь в огородах.

Я брел нога за ногу, как на собственные похороны. Дойти до какой-нибудь рощи, да хоть до деревни, и объявить привал – приключение подействовало с неожиданной силой, выбило из колеи. Это меня-то, любимчика Зоны, бывалого сталкера! Словно лет мне так за шестьдесят, гипертония и все прелести старости, тремор, озноб. Я уже совсем приуныл и собрался позвать Пригоршню занять место ведущего, как вдруг осенило.

То есть, не «вдруг осенило»: небо начало темнеть, стих легкий приятный ветерок и перестали жужжать насекомые. Даже наши шаги стали бесшумными.

Елки-палки!

Если бы не проклятые мушки, понял бы давно: приближается выброс! Ни одного мутанта в округе, тишина эта проклятая!

Обычно я чувствую его за приличное время до начала, а тут списал свое состояние на адреналин.

Чем, интересно, мы прогневали Зону, что аж моя удача истончилась?

Ладно, вопросы будем задавать потом, тем более – риторические.

– Стой! – заорал я, оборачиваясь к своим. – Ребята, проблема. Минут через пятнадцать будет выброс.

Энджи слабо ойкнула и зажмурилась. Через секунду открыла глаза, упрямо закусила губу и сжала кулаки. И молчала – ждала распоряжений.

Вот так, взяли, называется, «любимчики Зоны» группу новичков…

– Это значит, надо где-то укрыться? – уточнил Вик.

– Обязательно в помещении, а лучше – в подвале.

– Деревня? – спросил догадливый Пригоршня.

– Придется.

Аномалии – опасность понятная и преодолимая. В крайнем случае, сгинет один член группы, а вот если попадем под выброс, умрем вместе. Мы прибавили шагу, точнее, побежали. Гайки летели во все стороны – я швырял их вперед, остальные – вбок. Топот гулко разносился в замершем воздухе, как будто мы неслись не по заросшей травой дороге, а по бетонным плитам где-то в помещении. Земля больно била в пятки, рюкзак тянул назад, но деревенька приближалась. Ходу до нее таким темпом было минут семь-десять. Будем надеяться, укрытие найдется где-то с краю.

– Хотел бы. Я. Знать. Ради. Чего. Подыхаем! – пропыхтел Шнобель.

– Карту! Я отдам вам карту! – воскликнула Энджи.

Ага, будто от обещания мы сразу перестанем придуриваться и достанем из рюкзаков надувное бомбоубежище…

Небо постепенно багровело.

Успеем, не успеем ли? Ох, Зона-матушка, взмолился я про себя. Ты столько раз меня выручала, да и я тебя выручил, вспомни, пожалуйста! Мы же не губить тебя идем, мы идем за новыми артефактами! Ну да, я – олух, сигналов не понял, да что, умирать, что ли?!

Сколько раз был не в шаге даже – в миллиметре от смерти, и каждый раз не верил. Кажется, вот сейчас прилетит волшебник в голубом вертолете и спасет. За спиной пыхтели товарищи. Гайки показывали, что путь чист.

Еще несколько шагов в гору (дыхание сбилось, пот заливает глаза) – и вот деревня.

Я здесь никогда не был. Не та квалификация, чтобы рыскать по исхоженным местам. Поэтому удивился, увидев, что деревня оказалась вовсе не живописными руинами в окруженье садов, а остатками то ли фермы, то ли колхоза, то ли чего-то еще.

Дорога изгибалась подковой. Дома стояли в одну линию, и то, что издалека казалось деревьями, было разросшейся малиной, бузиной и сиренью. Переплетаясь, ветви кустов образовывали непролазный засов, закрывая дома – покосившиеся, с проваленными крышами, но, похоже, никогда не бывшие по-настоящему жилыми. Скорее это технические постройки… Чуть в стороне – ангар или теплица, полукруглое вытянутое здание, обшитое ржавой «гофрой». Возле него зарослей нет.

Меня колотило уже, как в ознобе. До выброса оставалось буквально несколько минут. Уже давило на уши, волосы вставали дыбом; сбилась с темпа бега Энджи (обернулся на звук: девушка всхлипнула, когда Пригоршня схватил ее под

локоть и устремился вперед). Было не до аномалий. Я все еще «выщелкивал» гайки, как ребенок – ядрышки вишни, но практически не следил за ними. Двум смертям не бывать.

Вик вырвался вперед.

Вот что значит – адреналин. Новичок перед лицом невиданной опасности потерял голову и страх. Он несся, как спринтер, хотя рюкзак не снял и оружие не бросил, к полукруглому зданию, к его приоткрытым воротам. Перед мысленным взором возникло классическое: мы вламываемся, секунда счастья и облегчения (под крышей выброс нас, конечно, заденет, но не сильно) – а там мутанты. Всякая тварь в Зоне ищет укрытие, потому и мало зверья в полях и лесах, всякая тварь жмется к постройкам, чтобы пережить выброс.

Или – аномалия.

Такое тоже бывало, сталкеры попадали в ловушку, уже, казалось бы, достигнув безопасного места.

Останавливать Вика я не стал. Он мне не сват и не брат, не приятель даже, хотя человек симпатичный. Но перед лицом смерти каждый становится эгоистом, и я не исключение. Пусть лучше погибнет Вик, чем Пригоршня или даже Патриот. Да Шнобель дороже!

С победным воплем Вик налетел на дверь, налег всем телом – ржавые петли заскрипели, створка поддалась. Большая, метров пять высотой. Вик ввалился внутрь. Я невольно притормозил, вслушиваясь. Он не кричал.

Быстрее!

Воздух стал вязким. Ноги заплетались. Кто-то, кажется, Шнобель, ухватил меня за шиворот и дернул. Я упал в темноту ангара.

– Навались! – скомандовал Пригоршня.

Снова заскрипела, закрываясь, створка. Стало совсем темно и тихо, только спутники тяжело и часто дышали. Заверещали, предупреждая об опасности,

ПДА.

И ударил выброс.

Он был похож на предыдущие и одновременно – совершенно другой. От обычного мы бы вряд ли смогли укрыться в ангаре…

Затрясло. Я упал, придавленный рюкзаком, и принялся выпутываться из лямок. Зубы стучали, по железной крыше укрытия будто огромным молотом лупили. Аж уши закладывало. Сквозь щели в обшивке пробивались лучи света – ритмичные ярко-красные вспышки. Вокруг катались, рычали спутники. Энджи ругалась, что тот боцман, тройным загибом, а Патриот молился вслух, правда, Яриле. Почему Яриле, он и сам наверняка не знает, а спросишь потом – не вспомнит.

Говорят, что во время выброса Зона очищается, убирает неугодных. И всегда почему-то – ворон. Правда, потом они вновь появляются…

Говорят, Зона выбирает, кому выжить.

Кажется, нам везло.

Но вот о чем не говорят, молчат стыдливо – во время выброса едет крыша. Виновато ли аномальное излучение, светозвуковые эффекты или банальный страх, но факт. Едет далеко и шустро.

Во-первых, когда подбрасывает и трясет, теряешь ориентацию в пространстве. Во-вторых, утрачиваешь всякое представление о времени. Сколько длится выброс, неизвестно, то ли минут двадцать, то ли несколько суток. В-третьих, мерещится разное.

В этот раз время привычно изменилось, точнее, я из него выпал, но тем не менее понимал: мы – в заброшенном ангаре, вокруг бушует стихия, силясь стереть нас с лица земли. За пределами убежища словно война шла. Мне удалось подняться на четвереньки, освободившись от рюкзака, и осмотреться. Вытянутое помещение было пусто – то ли Зона хранила, то ли языческие боги Патриота, то ли новичкам повезло. Только в дальнем конце чернела какая-то техника, вроде, трактор, и неприятно мерцала паутина.

Ну, мы-то ученые, туда не сунемся.

Уныние и фатализм испарились – оказывается, мое дурное настроение было предчувствием выброса. Теперь я снова радовался жизни (насколько можно радоваться, когда пол под тобой танцует, здание, в котором укрылся, трещит, и за стенами – форменная дискотека великанов).

С последним ударом я распластался на полу.

Зона прошлась исполинским утюгом, разглаживая складки, убирая микробов. Кости затрещали, череп сдавили с висков, во рту появился привкус крови. Меня будто вытянули, а потом – резко сжали, и я потерял сознание.

Когда очнулся, было тихо.

Характерное затишье после выброса, знакомое каждому удачливому сталкеру. Не мертвое, как перед катаклизмом, а живое. Снова поднимается ветер, задувает в щели укрытия. Какая-то пичуга – сразу слышно, офигевшая от произошедшего – пробует голос. Сдавленно рычит Никита. Шумно, тяжело, как после пробежки, дышит Энджи, обхватившая колени. Стонет Вик. Шмыгает Шнобель. Патриот кряхтит, поднимаясь.

А я, между прочим, все еще лежу. И пытаюсь понять, сильно ли досталось, не облучило ли, вдруг я уже лысый и в пятнышко?

– Все живы? – спросил я.

Дружное постанывание было ответом. Первым оклемался Никита. Встал, осмотрелся.

– Повезло. Говорили, сталь от выброса защищает, а я не верил. Зря.

– Это не такой был… Все заметили?

Энджи и Вика, понятно, вопрос не касался. Патриот, Шнобель и Никита кивнули: заметили, и потянулись к ПДА. Я проверил свой: все еще помехи, сказывается остаточное излучение. Выходить в ближайшее время опасно.

Все кости ноют, в ушах по-прежнему звенит, и голова соображает паршиво, как после нокаута.

– И что дальше? – спросила Энджи очень тихо, я обернулся: она отвела взгляд.

– Что-что… Идем. Какое-то время будет тихо. А до «Перевалочной базы» еще ходу и ходу.

Патриот осматривал гитару в поисках повреждений. Пригоршня пялился в дальний конец ангара. Там, у предполагаемого трактора, что-то шевелилось. Зажужжала «динамка»: аккумуляторные фонари мы пока что не могли использовать.

Неяркий луч высветил странный силуэт.

У «динамки» луч слабенький, дрожащий в такт противному жужжанию механизма, вырабатывающего электричество, но даже с таким хреновым источником света Пригоршня разглядел движения в дальнем конце ангара.

– Там! – прошептал он, ткнув пальцем в указанном направлении.

Я поднял свою «динамку», приналег на рукоять, выжав из лампочки весь ее потенциал – это, конечно, не тактический «шурфайр» в двести люмен, но и такого освещения хватило, чтобы неясный силуэт вдалеке испуганно шмыгнул в сторону.

– Мутант, – сказал я. – Выброс пересиживал. Черт, башка-то как трещит… Будто с бодуна.

– Пошли, замочим его, – предложил Патриот.

– Отставить, – скомандовал я, оглядев Энджи и Вика. Бледные, дрожащие, они еле могли ходить, хотя Энджи старалась выглядеть сильной и независимой. Тащить обузу за собой глупо, бросать их здесь без охраны еще глупее. – Патриот, Шнобель – остаетесь с цивилами. Держать под контролем вход в ангар. Мы с Пригоршней разберемся с мутантом… или мутантами, если их много. Вряд ли там что-то серьезное…

Как всегда перед боем, я проверил оружие. Привычка, вбитая в подкорку за годы жизни в Зоне: если от оружия зависит твоя жизнь, проверяй и чисть его при каждой возможности. «Эмка» была в порядке, разве что коллиматор загнулся после выброса, но это понятно, на то он и электромагнитный импульс. АА-12 Пригоршни, оружие гениальное в своей простоте, работал, как часы. В принципе, в помещении, да на ближней дистанции, заряд картечи или жакан куда эффективнее маленькой пульки калибра 5,56 из М-4 – поэтому Никита остановился на дробовике, сменив коробчатый магазин на дисковый, в котором патроны с пулей чередовались с патронами с дробью «нулевкой». Запасной магазин с картечью (не лишняя мера, учитывая прожорливость АА-12) переложил в ближайший подсумок на разгрузе.

Я загнал патрон в подствольник «эмки» и клацнул затвором глока.

– Ну что, пошли? – спросил Никита, когда я убедился, что Патриот и Шнобель заняли круговую оборону по всем правилам фортификационного искусства.

– Пошли, – сказал я.

Двинулись вперед на полусогнутых, в режиме «я иду – ты прикрываешь». В ангаре царил полумрак, под ногами хрустело битое стекло. Сквозь в дыры в крыше пробивались косые солнечные лучи. Сейчас бы ПНВ, или тепловизор, да всю электронику вырубил выброс. А «динамкой» особо не пожужжишь с винтовкой-то в руках.

Может, оно и к лучшему – тишина в ангаре висела гробовая, даже птицы заткнулись после выброса. И если мутант дернется, мы его услышим. И замочим. Задолбали эти мутанты, не жизнь, а видеоигра какая-то! Развелось их в Зоне тьма тьмущая, давно пора под нож пустить, устроить мутантоцид…

– Стой! – Пригоршня поднял руку и замер. Я последовал его примеру. – Чуешь? – спросил бывший десантник.

– Не-а, – ответил я. Я и вправду ничего не слышал.

– Запах, – одними губами прошептал Пригоршня.

Я принюхался. Пахло… нет, скорее пованивало чем-то знакомым. До боли, я бы сказал, знакомым. Старыми вонючими носками, вот. Тухлой капустой. Кислым молоком.

– Шелоб, – похолодев, произнес я. Ну, вот уж попали так попали!

Сам дурак, виноват. Раньше надо было догадаться. Все ж признаки на лицо – паутина, уединенное место, светобоязнь, малая подвижность днем…

Мы нарвались на шелоба – гигантского паука-мутанта, к счастью, ведущего отшельнический образ жизни. Одна такая тварь может с легкостью разорвать отряд из пяти-шести сталкеров. Две – если кому-то не посчастливилось застать пауков во время спаривания – оплетают за пару минут и пожирают за пару дней десяток подготовленных бойцов.

И мы, кажется, ее уже разбудили.

Первым порывом было вернуться за Патриотом и Шнобелем – против шелоба каждый ствол на счету. Но поворачиваться спиной к твари, выстреливающей паутиной на двадцать метров, не очень хотелось, а рации, естественно, не работали.

В дальнем углу, за ящиками, что-то пошевелилось. Что-то, удивительно похожее на паучью лапу. Я вытащил из подсумка светошумовую гранату – шелобы не любят ни света, ни шума, и эта штука способна слегка контузить тварь. Правда, когда шелоб очухается, он уже не будет таким медлительным и степенным. Но придется рискнуть.

Я показал гранату Пригоршне, тот кивнул, поняв мой план, и вскинул дробовик. Я выдернул чеку, размахнулся и швырнул «зорьку» по пологой траектории за ящик, где, предположительно, сидел шелоб.

Конечно, я бы предпочел швырнуть туда коктейль Молотова, а лучше банку с напалмом, а еще лучше гранату с белым фосфором, но ничего из этого у меня не было. За неимением гербовой пишем на простой.

Я зажмурился, зажал уши, открыл рот, чтобы уровнять давление внутри и снаружи черепа – иначе может порвать барабанные перепонки, и отвернулся. Ахнуло глухо, сквозь плотно сжатые веки полыхнуло белым огнем.

Можно считать, что шелоб контужен на полторы-две минуты.

Пригоршня – десантура, что тут скажешь – перенес взрыв «зорьки» лишь слегка прищурившись, да придержав свою шляпу. Я махнул ему рукой, и мы двинулись вперед, обходя мутанта с двух сторон.

Конечно, был соблазн закидать тварь обычными гранатами, но я знал, что псевдохитиновый панцирь шелоба держит бронебойно-зажигательную пулю из «Баррета» пятидесятого калибра, так что осколки ему уж точно будут ни по чем. Поэтому план был таков: огнем из АА-12 Пригоршня отвлечет тварь на себя, пока я засажу гранату из подствольника в единственной уязвимое место – подбрюшье, как раз между передними лапами… Правда, стрелял я не так, чтобы очень метко.

– Пригоршня, – тихо, практически беззвучно, позвал я. – Меняемся оружием.

Хорошо, мы – сработанная команда. Никита протянул мне дробовик, я отдал ему «эмку» с гранатометом.

Но плану, как и любому плану в реальной ситуации, не суждено было сбыться.

Едва мы вышли из-за ящиков, шелоб (ох и здоровенный же оказался гад!) выстрелил паутиной в потолок и потащил свою грузную тушу вверх, чтобы оттуда рухнуть нам на головы.

Чисто рефлекторно Пригоршня выпалил твари вслед. Граната попала в панцирь и разорвалась с беспомощным хлопком. Тварь этого даже не почувствовала, разве что качнулась на струне-паутине, точно босховская пародия на маятник Фуко.

Пригоршня заматерился, влупил вдогонку пару коротких очередей и полез в подсумок за следующей гранатой. Я же, судорожно размышляя, углядел одну-единственную из всех возможность вывести врага из строя.

Шелоб зацепился за крышу ангара – старую, прогнившую, местами прохудившуюся. Весь ангар, заброшенный сто лет назад, казалось, держался исключительно на паутине мутанта.

Я вскинул АА-12, хорошенько уперся в плечо (амортизаторы амортизаторами, но автоматический дробовик двенадцатого калибра все равно пинался, как мул) и начал стрелять по крыше, вышибая шиферные листы и кроша в мелкую труху толевые теплоизолирующие прокладки.

Ангар загудел, как жестяная бочка, по которой начали бить железным прутом.

Сухо клацнул затвор дробовика. Нажать на защелку магазина, пустой барабан падает к ногам, но рука уже вставляет следующий, с картечью. Опять стрелять. До упора. До щелчка. Терять нечего.

Есть! Получилось!

Что-то из того полукилограмма свинца (точно? Точно; навеска дроби грамм тридцать, пуля – грамм двадцать, я выпустил полный барабан, шестнадцать с дробью, столько же с пулями, ого, это ж почти кило!) развалило каркасную балку, к которой прилипла паутина, и шелоб, внезапно потеряв точку опоры, сорвался вниз.

В полете Пригоршня успел всадить в паука весь магазин «эмки». То ли суммарная кинетическая энергия крошечных пулек сыграла свою роль, то ли просто Бог сегодня был на нашей стороне – но шелоб, сорвавшись с паутины, перевернулся в воздухе и рухнул на спину, выставив беззащитное брюхо.

Вот такой вот расклад – перед нами лежал на спине опаснейший мутант, а мы стояли, как два дятла, с пустыми магазинами. А времени было чуть-чуть, паук не черепаха, перевернется быстро.

Не раздумывая, я дернул из кобуры «глок». Пригоршня отзеркалил мои действия. Два пистолета, по семнадцать патронов в каждом. Патрон, конечно, слабенький, девять на девятнадцать «парабеллум», не «магнум триста пятьдесят семь», но тридцать четыре пули, выпущенные из двух столов за пару секунд, вскрыли брюхо шелоба, как щипцы раскалывают панцирь лобстера, поданного в хорошем ресторане.

Потекла белая слизь и зеленоватая кровь.

– За ВДВ! – заорал Пригоршня, отшвырнул пустой «глок», выхватил нож и бросился в атаку, кромсая нутро шелоба широкими размашистыми ударами.

Во все стороны полетели слизкие ошметки. Шелоб издох. Бой, длившийся чуть более пары минут, был окончен. Мы победили.

У меня даже голова перестала болеть.

Пора было отправляться в путь: после выброса мутанты тихие, и путешествие по Зоне можно назвать даже приятным, грех этим не воспользоваться.

Глава 4

По небу ползли облака. Точнее, не так: казалось, что небо затянуто полупрозрачным пледом, сквозь который просвечивается далекое холодное солнце. Тени были блеклыми и квелыми. Будь я фотографом, не нарадовался бы, это ж идеальное освещение.

Из-за частых туманов растительность в Зоне не выгорает до самой осени, правда, цвет листьев и травы будто разбавлен водой.

Вот топаешь по Зоне, смотришь по сторонам и понимаешь, какое тут все… хрупкое, что ли? Зыбкое, эфемерное. Как твоя жизнь. Проморгал аномалию, и нету тебя. Единственное настоящее – плечо напарника. А напарника надежнее Пригоршни просто быть не может.

Я покосился на ПДА, уже предчувствуя, что там не будет зеленых точек, обозначающих людей. Так и оказалось. Нет за нами слежки. Или все-таки есть?

От рюкзака со снарягой разболелась спина, будто в позвоночник кол загнали. Пригоршня шагал первым, тяжеленный рюкзак был ему нипочем, а вот Энджи страдала, хоть вида не подавала, да и Вик пыхтел, как старый паровоз.

Если не устраивать привалы, то завтра они не смогут разогнуться, следовательно, мы потеряем время.

– Сиеста! – объявил я, когда мы вышли на небольшую поляну, со всех сторон окруженную соснами. Подлеска тут не было, значит, врагу негде укрыться и сложнее подкрасться незаметно.

Энджи тотчас скинула рюкзак, уселась в траву и принялась потягиваться. Причем казалось, что она вовсе не устала, а нежится на солнышке, как кошка. Пригоршня восторженно понаблюдал за ней, потом вытащил из кармана жменю гаек с белыми тряпичными хвостами, раскидал их по поляне и вздохнул с облегчением: аномалий не обнаружилось. Шнобель, не дожидаясь команды, ринулся собирать гайки.

Сладко зевнув, Патриот вытащил из рюкзака мешок, расстелил его на земле и принялся сервировать стол: две банки паштета, чуть придавленный помидор, шпроты, нарезанный хлеб, кусок копченого сала. Вот проходимец, стремится сбросить балласт пораньше!

Энджи пересела к «столу» и принялась мазать хлеб паштетом. Вик разминал спину. Шнобель опустился на землю рядом с Пригоршней, который, жадно поглядывая на Энджи, заглотнул первый бутерброд и вернул ему гайки.

– Сильно не наедаемся, а то в сон клонить будет, – предупредил я, глянул на ПДА, где обозначалось скопление зеленых точек – наша команда. Чужаков поблизости не наблюдалось.

Пока остальные насыщались, мы с Виком несли вахту, я боковым зрением следил за ним и отмечал, что он не скован, взгляд его цепок, движения экономны, со стволом тоже профессионально обращается. Давняя ментовская выучка, должно быть.

Но почему тогда они собрались идти в Зону с практически бесполезным оружием? Еще один вопрос без ответа. Надеюсь, в этот раз напарники никакой подлянки нам не готовят.

Пригоршня насел на сало, разложил ломтики по хлебным кускам и поглощал, буквально заглатывал. Патриот ел медленно, с чувством. Шнобель все обильно сдабривал молотым черным перцем. В животе заурчало, и я сказал:

– Проглоты, оставьте что-нибудь!

Энджи, сидящая ко мне спиной, отодвинулась, открывая взору отложенные в сторону бутерброды, и улыбнулась:

– Не переживайте, я о вас позаботилась.

От ее улыбки на душе потеплело.

– Видишь, Пригоршня, – сказал я с укором.

Но толстокожий Никита лишь активнее стал лопать бутерброд, ничуть не пристыженный.

Шнобель вытащил из кармана нож и смачно щелкнул лезвием, открывая. Весь вид сталкера подсказывал: это вам не китайский складень, который в каждом переходе можно за десять баксов купить, это – крутая мужская игрушка. Пригоршня среагировал, всмотрелся – и разве что слюну не пустил.

– М-можно? – он протянул руку.

Я удивился. Вообще подобное возбуждение у друга вызывали только тесаки типа «боуи», подходящие для убийства, а тут – складной нож не очень крупных размеров. Ну, сантиметров двадцать, может, чуть больше. Рукоятка черная, лезвие – как лепесток. Гладкая кромка, без серейтора.

Шнобель вложил нож в ладонь Никите, улыбаясь, как отец новорожденного младенца при демонстрации оного бабушкам и заинтересованным родственникам.

– Китай? – спросил Пригоршня, открывая и закрывая лезвие.

– Ты что?! – оскорбился Шнобель. – Родной, из Аризоны, лапочка, кастомный.

Признаться, их диалог звучал для меня диковато. Сам я предпочитал ножи простые и функциональные: складень Spiderco для повседневного использования (колбасу порезать ну или мутанта при необходимости) – всегда на клипсе в кармане. А в ножнах на бедре – SOG Pentagon. И то, и другое не стоило диких денег, и при этом оба ножа служили мне верой и правдой. Пентагон, по выражению Никиты, годился «только чтобы убивать», но ситуация, когда кого-то надо убить ножом, в Зоне возникает крайне редко. Поэтому я, не мудрствуя лукаво, и его использовал для бытовых нужд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/levickiy_andrey/novyy-vybor-oruzhiya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить